

Юрий Валин
Самый младший лейтенант.
Корректировщик истории
Серия «Самый младший лейтенант», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2828965
Корректировщик истории: Эксмо; М.; 2011
ISBN 978-5-699-52320-7

Аннотация

Кровавый март 1943 года. Нанеся контрудар на Харьков, танковый корпус СС прорывает фронт и завязывает ожесточенные бои за город, который уже окрестили «проклятым», – Красная Армия терпит здесь поражение в третий раз. Но теперь в уличных боях, плечом к плечу с прадедами, участвует и разведгруппа из XXI века – не случайные «попаданцы», а специально подготовленные бойцы ГЛРУ, заброшенные в прошлое с секретной миссией...

Новый фантастический боевик от автора бестселлера «Выйти из боя»! Спецназ из будущего против штурмовых групп СС! Корректировщики истории вызывают огонь на себя! Разведка боем за линией Вечности!

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	36
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Юрий Валин

Самый младший лейтенант. Корректировщик истории

Автор благодарит:
Сергея Звездина – за техническую помощь;
Анну Серяк, научного сотрудника «Музея обороны Севастополя»
– за помощь в работе с документами;
Екатерину Скляркову – за переводы с немецкого;
Александра Москальца – за помощь на «всех фронтах».

Автор просит считать все совпадения имен, фамилий и географических названий не более чем совпадениями.

Пролог

3 июня 1942 года.

Побережье юго-западнее Ялты

Катер потерял ход. Левый борт, изрешеченный пулями, горел, огонь подбирался к торпедному аппарату. Кровь испятнала белую нарядную палубу. У рубки лежали убитые: корветтен-капитан и итальянский унтер-офицер. Стылали раненые. Уцелевшая часть команды отчаянно сражалась с огнем.

Нелепость. Ужасная нелепость, столь неизбежная на войне. Катер атаковали свои. Два «Мессершмитта» выскользнули прямо из слепящего солнца. Рев моторов торпедного катера скрыл шум приближающихся самолетов. Собственно, все произошло молниеносно, едва ли можно было принять какие-то меры. Единственный заход, стук пулеметов – семеро убитых и раненых, едва держащийся на плаву катер. Трагическая случайность. Летчики VIII авиакорпуса приняли итальянский MAS 571¹ за один из русских катеров. Пилотов вполне можно понять – русских здесь встретишь куда чаще.

Сухощавый генерал разогнулся. Лежащий перед ним на палубе унтер-офицер испустил последний вздох. Печально. Теперь придется подыскивать нового водителя. Бедняга Фриц – пасть от пули, выпущенной из немецкого оружия, – что за злая ирония судьбы?

Матросы с пламенем справились. Дым таял в сиянии яркого крымского солнца. Из моторного отделения доносились крики итальянцев и стук, – там пытались запустить двигатели. Наконец одно из 1000-сильных чудовищ неуверенно зарычало.

Сквозь этот рокот пробилось едва слышное жужжание с неба – приближался еще один воздушный гость. Нет, только не это! Седовласый генерал резво нырнул в рубку. Лучше ненадежная защита деревянной крыши, чем вообще ничего...

* * *

Пара «яков» двигалась над побережьем. Задание было выполнено – Ялтинское шоссе разведано – над ним прошли уже дважды. Редкие машины не успевали среагировать на появление советских истребителей. Комэска, кратко переговариваясь с ведомым, делал пометки

¹ MAS 571 – торпедный катер серии 501, состоявший на вооружении ВМС Италии.

на карте. Внизу тянулась не успевшая выгореть зелень рощ, пустынные пляжи, синева моря, слегка подпорченная мазутными пятнами.

День выдался какой-то путаный. На задание вылетели поздно. Хотя от группы «мессеров» удалось легко уйти в облака, настроение было так себе. Перед вылетом командир полка неожиданно навязал попутчика, посаженного в самолет, срочно отобранный у сержанта из второй эскадрильи. Невысокий старший лейтенант, только накануне прибывший в полк. Толком и познакомиться не успели. Вадим, как-то там... Васенин? Васнец? Откомандирован из штаба ВВС флота. «Для выявления возможностей дальнейшего улучшения пилотирования «Як-1». Чушь какая-то. Нашли время и место для испытаний.

Впрочем, комэска-1 спорить с начальством не собирался. Неблагодарное это дело. Тем более новенький пилот поднял машину уверенно, шел за слетанной парой как привязанный. Опыт у парня имелся. Наверняка инструктором немало налетал – по почерку видно. Ну, а ордена на пустую грудь еще заработает. Вообще-то справедливо, что в штабе флота награды просто так не раздают. Остались еще остатки совести.

Но вот когда проскочили Балаклаву, новенький сообщил, что должен пройти над морем. Этак очень кратко и нахально поставил в известность. И как прикажете такую самоуверенность понимать? Отвалил вправо, и привет. Орать ему вслед, что ли?

Кто в данном случае ответственность несет? Ох, мешают смутно поставленные задачи дело делать.

– Возвращаемся?

– Серег, а ты этого... видишь?

– Нет. Но мы свою-то задачу выполнили.

Впереди мелькнули первые домики Ялты, и пара истребителей резко ушла в сторону моря. Соваться ближе не стоило – зениток в ялтинском порту немцы понатыкали с избытком.

– Камень-3, слышишь меня? Возвращаемся. Камень-3, ты понял?

– Понял, Камень-1. Атакую цель. Видите меня?

Голос новичка звучал отчетливо. Где-то рядом.

– Серега, вон он!

Комэска тоже увидел «як», идущий на бреющем. И цель... Катер явно тонул. Стелился над водой дым, корма глубоко осела в воду. Крупнокалиберный пулемет с кормы пытался встретить атакующий истребитель очередью. Новенький уверенно открыл огонь – потянулись трассы к катеру, полетели обломки. Вдруг в дыму пыхнуло оранжевым. Корпус катера вспух, разломился. Торпеда в аппарате рванула.

Истребитель проскочил сквозь дымный столб, набирая высоту, заложил крутой вираж.

– Камень-3, уходим. Готово твое корыто. Поздравляю.

– Еще заход. Поддержите, ребята. Он штабной.

– Да что там осталось? Бычки на дне дожуют.

– Поддержи. Я почти пустой. На четвертый заход иду.

– Ладно. Второй, атакуем!

Неслась под крыльями зеленая морская вода. Курортная погодка, будь она неладна. Как бы сверху «мессеры» не углядели.

Маслянистая вода, кусок борта, еще не успевший уйти под воду. Рваная завеса дымов. Черные точки: крышки баков, спасательный круг, головы людей, фуражка. Нажатие гашетки отозвалось короткой очередью пулеметов и пушки. Ведомый точно повторил маневр – свинцовый вихрь еще раз прочесал обломки, и «яки» взмыли вверх.

– Камень-2, Камень-3, давайте еще заход!

Комэска беззвучно пошевелил губами – новичок вновь заходил на болтающийся на волнах мусор. Материться в эфир не стоило. И так тюкают за несдержанность.

– Камень-3, приказываю идти домой. У нас задание.

– Зайдите! Я пустой!

– Да нам на «Маяк» еще пробиваться. «Мессерам» будешь кукиш показывать?! – не выдержал ведомый.

Новичок не ответил, – его «як», почти задевая волны крыльями, промелькнул над остатками катера, пулеметы высадили скупые очереди. Видно и правда все выпустил. Вообще-то не принято в 6-м гвардейском истребительном авиаполку боезапас по головам-поплавкам расстреливать. С чего такая злоба да прыть? Может, родственники у парня погибли? С такими нервами нужно в штыковую ходить, а не в небе кувыркаться. Вверху война иная.

Новенький догнал пару у Балаклавы, пристроился слева.

– Заходим как обычно. Набираем четыреста, и с моря. Камень-3, ты понял? Вопросы?

– Вопросов нет, – голос четкий, злой.

Промелькнули обрывы мыса, плавучая батарея в Камышовой бухте, пятнистая, замуфлированная башня маяка. Пришлось покружить над морем, ожидая перерыва в обстреле. Новичок сел уверенно. Невзирая на воронки, ловко подкатил поближе к крытым капонирам. Выбрался на крыло, резкими движениями освободился от парашюта.

Нервный он. Такие долго не летают.

Летчики, пригибаясь, пробежали в блиндаж. Аэродром Херсонесского маяка накрыла новая серия артобстрела.

Летать со старшим лейтенантом действительно больше не пришлось. Вечером новичка приказом штаба ВВС флота отозвали в Новороссийск. А потом начался третий штурм. Лишь после войны, захав как-то в Ялту, бывший командир 1-й эскадрильи 6-го гиап² ВМФ, а ныне генерал-майор, Герой Советского Союза, вспомнил жаркий июньский день и нервного старшего лейтенанта. Как его? Васнецовский? Васюк? Уже не вспомнить. Да, много времени утекло.

* * *

Командующего 11-й армией группы «Юг», намертво вцепившегося в обугленный спасательный круг, выловили из воды с подоспевшего из Ялты катера. У генерала была легко обожжена правая рука. Держался кавалер Рыцарского креста мужественно, хотя соленой воды наглотался вдоволь. Врач, обрабатывающий ожог, сдержанно заметил, что генералу весьма повезло. С этим было трудно не согласиться. Из шестнадцати человек, находившихся на борту MAS 571, лишь командующий не отправился на морское дно. Счастливчик.

* * *

7.02. 201? г.

Из докладной записки начальника Отдела «К»:

«...Считаю спонтанное проведение операции вопиющим проявлением авантюризма и кустарщины. Даже предварительные расчеты показывают бессмысленность точечного воздействия. Вектор приходит в исходное состояние в течение 3–3,5 единицы. Одновременно считаю необходимым обратить ваше внимание на психологическое состояние агентов. В4 и В7 ведут работу практически в полной изоляции...»

Из резолюции заместителя начальника ГЛРУ:

² ГИАП – гвардейский истребительный авиаполк.

«Закрытие проекта в данный момент признано преждевременным. Дополнительные средства и компьютерная техника будут выделены позднее (полагаю, в конце года). Думайте и работайте. На этого фельдмаршала недоделанного – наплевать и забыть. Шире смотрите на вещи, плотнее контактируйте со смежниками. Время героев-одиночек давно прошло».

Глава 1

Основные задачи операции «Праздничный транзит»

Ввод и легализация агента «Варвар».

Вербовка объекта «Най».

Испытание транспортных контейнеров.

Сроки (по отсчету «Кальки»): 8.03.1943–13.03.1943.

Точка воздействия: правый фланг Воронежского фронта, 3-я танковая армия.

Маршрут оперативной группы: с. Артюховка – г. Мерефа – г. Харьков.

Непосредственное взаимодействие с частями Советской Армии: 179-я отбр³, 17-я сбр⁴ НКВД.

Расчет привлеченных сил и средств собственно отдела «К».

Агент, командир группы (I и II фазы) – капитан Ковтухин Сергей Вячеславович (псевдоним – Варварин Сергей Вячеславович).

Инструктор по вводу и координации, и.о. командира группы (III фаза) – ст. сержант Мезина Екатерина Георгиевна.

Специалист-переводчик – ?

Переброска осуществляется средствами стационарного центра координации «Фрунзе-1». Старший расчетной группы – ст. лейтенант Филиков А. Р.

* * *

Из докладной записки начальника отдела «К» ГлРУ майора Варшавина А.А.

«Невзирая на неоднократные требования, список кандидатур специалистов-переводчиков для откомандирования в распоряжение отдела до сих пор не представлен. Обращаю ваше внимание на то, что комплектация отдела по остаточному принципу ведет к крайне негативным последствиям...»

Резолюция зам. начальника ГлРУ:

«План мероприятия одобряю. Подготовку операции форсировать. Предоставить штатного переводчика отдел кадров пока не может. Специалиста с запрошенными биометрическими данными в распоряжении управления не имеется. Думайте.»

* * *

– У вас три «недопуска», Земляков. Сегодня 3 февраля. Вы прекрасно осведомлены о порядке отчисления, и не вижу причин делать именно для вас исключение.

– Лидия Алексеевна, так я же болел!

– Справку я вижу. Из ее содержания следует, что вы неделю обследовались в платной клинике. Очень мило с вашей стороны так вовремя озаботиться собственным здоровьем. Признаюсь, мне недоступна логика вашего мышления, Земляков. Но раз вы до сих пор сохраняли олимпийское спокойствие, вероятно, у вас имеются на то веские основания. Всего наилучшего, Евгений Романович. Если сочтете нужным продолжить получение высшего образования – в следующем учебном году милости прошу. Восстановитесь.

– Но меня же в армию!...

³ отбр – отдельная танковая бригада.

⁴ сбр – стрелковая бригада.

– Боже, какой неподдельный ужас в голосе. Вы же мужчина, Евгений. Отслужите, отдайте свой гражданский долг, поумнеете и вернетесь. Пора прощаться с растительно-инфантильным существованием. Вы же давно не подросток, Земляков. Кстати, я отлично помню вашу курсовую. Вы подавали надежды. Всего хорошего, Евгений. Не забудьте зайти в канцелярию.

Через пять минут Женька стоял на лестнице с прозрачным файлом в руках. Справка об отсутствии задолженностей, диплом о неполном высшем образовании, еще какая-то ничемная бумажка.

Вот это обломище! Рухнул Евгений Романович Земляков. Ниже плинтуса загнали. Ну ни хера себе. Говорил отец: «Тебе до бакалавра, как до Луны». Накаркал. Или он эту проверочку и устроил?

Земляков-старший был суров. Просто «совок» задеревеневший, если говорить честно. Имеет отец привычку упереться рогом и ни на какие разумные доводы не реагировать. К счастью, уже пять лет как с мамхен в разводе, посему надзор за старшим отпрыском ослабил. Хотя нет, вряд ли отец на такую провокацию сподобится. Не до того ему сейчас.

Женька спустился в гардероб. На лестнице пришлось пережидать поток второкурсников, спешащих на информатику.

На улице было холодно. Женька повыше застегнул куртку и обернулся, в замешательстве глядя на старинные колонны. Блин, ситуация. Ведь отчислили. Взяли и отчислили. Ну, облом. Не бывает ведь так внезапно. А как же призывы одуматься, как же «стодесятое последнее предупреждение»? Ведь не хуже других учился. Ну, «хвосты», кто без них? Наваждение какое-то. Ведь еще перед праздниками Лильхен Михайловна призывала группу прислушаться к безупречному произношению «коренного венца Землякова».

Женька продолжал тупо пялиться на фасад МЛУ⁵. За спиной тупо урчала плотно забитая, стоящая в пробке Остоженка.

Быть не может. Розыгрыш какой-то идиотский. За что отчислять? Да эти «хвосты» в три дня сдать можно. Да даже если и отчислили... Ну и идите со своей фонетикой и смакованием своеобразий бургенландского диалекта. Сейчас главное – от армии окончательно откосить, а с работой проблем не будет. Например, к Борису можно пойти. Конечно, не айс по восемь часов в офисе горбатиться, но что поделаешь? У него в конторе и раньше подрабатывал, там за нотариальные переводы платили неплохо. На первое время сойдет... Нет, ну и обломище...

Рука замерзла, и Женька принялся запихивать файл с мерзостными справками в портфельчик. Щегольская кожа портфеля на морозе закрываться никак не желала.

– Вы о колено обоприте, – посоветовал кто-то из прохожих.

– Не премину, – пробурчал Женька. – Сейчас еще кирпичик, и в реку все это делопроизводство.

– Боюсь вас разочаровать, но там ледок. Довольно толстый.

– Вы, случаем, не из ледокольного пароходства? – поинтересовался Женька, наконец справляясь с упрямым замочком.

– Нет, я из другого ведомства.

Женька поднял глаза, – перед ним стоял сухощавый офицер в зеленоватой военной шинели. На плечах погоны, на каждом по звезде. Полковник, что ли? Мучений с военной кафедрой Женька счастливо избежал, посему мог разве что морского волка, облепленного якорями, от сухопутного «сапога» отличить.

Сердце екнуло.

⁵ МЛУ – Московский лингвистический университет.

– Я про утопление портфеля пошутил, – вежливо объяснил Женька. – Я экологию уважаю. К тому же хороший девайс. Свиная кожа. Из Магдебурга привезли.

– Неужели из самой Саксонии? – не менее вежливо поразился офицер. – Там, говорят, ныне тоже прохладно.

– Так ведь глобальное потепление, – сказал Женька и быстренько развернулся в сторону метро.

– Молодой человек, – окликнул назойливый офицер. – Это случайно не Остоженка, 38? Это ведь Лингвистический университет?

– Кажется, да. Впрочем, я не совсем в курсе, – буркнул Женька.

– Пойдите, а вы сами случайно не Евгением Романовичем Земляковым будете? – оживился офицер.

– Я?! – Женька вскинул брови. – Валькирьев моя фамилия. В Малой Вальхаловке проживаю. Вот приехал с ребятами столицу посмотреть.

– Странно. Очень вы на гражданина Землякова похожи. Вот у меня фото имеется. И повесточка данному гражданину, – офицер полез за борт шинели. – Куда же вы, Валькирьев?

Женька наддал ходу. Иногда интеллигентному человеку стоит отринуть предрассудки и понадеяться исключительно на собственные, природой данные ноги. Сейчас в переулочек нырнуть – и пусть ищут. Домой, пожалуй, нельзя. У Ирэн придется пожить...

На повороте Женька с маху врезался в девушку. Девушка, как ни странно, на ногах устояла, а отставной студент, выронив портфельчик, отлетел к стене дома.

– Что это за побегушки идиотские?! – возмутилась молодая особа. – Абонемент в фитнес-центр потерял, метросексуал буйный?

– Прости, опаздываю, – Женька подхватил оказавшийся под водосточной трубой портфельчик.

– Что значит «прости»? – возмутилась незнакомка. – Не чувствую искреннего раскаяния.

– В следующий раз, – пообещал Женька. – Чашечка кофе, эклер и лирика Гейне в аранжировке позапрошлого века.

– Куртуазно, – одобрила девушка. – Только ноги раньше времени не переломай.

Она была ничего. Светловолосая, стриженная – капюшон короткой, цвета хаки «аляски», несмотря на мороз, откинут. Глаза большущие, зеленые, выразительные. Стройная, и даже весьма, хотя и без всяких каблучков. Вот только рост... излишне спортивный. Едва ли ниже самого Женьки.

Мелькнула мысль взять телефончик, но обстановка явно не располагала.

– Извини, опаздываю жутко, – Женька шмыгнул за угол, но неведомая сила рванула назад, затрещал ворот, и бывший студент крепко впечатался грудью в стену.

– Ты чего?! – Женька изумленно рванулся, пытаясь освободить ворот, но только оцарапал о стену щеку.

– Уже опоздал, гражданин Земляков, – зловеще пояснила зеленоглазая. – Не трепыхайся, руку сломаю.

– Пусти! – Женька попытался выпутаться из куртки, но кисть руки зажали железно. – Больно!

– Ролевые игры, – зеленоглазая улыбнулась приостановившимся прохожим. – Хотите поучаствовать?

– Извращения, – пробурчала дама в возрасте, на всякий случай заслоняясь сумочкой.

– Мы такие, – радостно согласилась девушка. – Что делать, тлетворное влияние Запада, – она подмигнула двум таджикам в оранжевых жилетах – труженики коммунального хозяйства поспешно ускорили шаг.

Дергаться у Женьки сил уже не было – при малейшей попытке пошевелиться гадская девка слегка нажимала на кисть, и тупая боль прохватывала руку до плеча.

– Катерина, прекрати призывника калечить, – рядом остановился давешний офицер, поправил фуражку. – Пусти, говорю. Перепугала парня. И в машину садитесь. Устроили бесплатный цирк.

Потрепанная «девятка» стояла в двух шагах. Руку Женьке вроде бы отпустили, но у недавнего студента от боли слезы выступили. Смаргивая, упал на сиденье, следом блондинка-садистка зашвырнула портфельчик, едва нос не разбила.

– Спокойнее, Катерина, – разозлился офицер, усаживаясь за руль.

– Куда уж спокойнее? – пробурчала девица. – Я его чуть придержала. Да и на хрена он нам такой? Бегаёт паршиво, предсказуем, как синяя уличная кабинка. Разве что вежливый.

– Ну, еще он твой родственник. Валькириев из Вальхаловки.

Девица, садясь рядом с Женькой, хмыкнула:

– Тогда конечно.

Женька отодвинулся к двери:

– Ну ты и сука.

– О, да он и взрослые слова знает, – удивилась девица.

– Предлагаю прекратить никчемные препирательства, – офицер завел двигатель. – Гражданин Земляков Евгений Романович, официально уведомляю, что вы призываетесь для выполнения своего гражданского долга по защите Родины. В соответствии с дополнением к Федеральному закону № 56Фбб. Будьте любезны получить повестку и расписаться.

– Нигде я расписываться не собираюсь, – сжав зубы, сообщил Женька. – Вы права не имеете людей на улицах хватать.

– Кто тебя хватал? – морщась, поинтересовалась девица. – Сам на меня налетел. Хулиган. Потом еще и в машину шмыгнул. Желает в армии от уголовной ответственности скрыться?

– Что я такого сделал?

– Статья 213. Деяние, сопровождающееся вопиющим неуважением к мирным прохожим.

– Кого я не уважал?!

– Еще злостное уклонение от воинской службы, статья 328-я, – заметил офицер. – Вам, Земляков, сколько повесток выписывали? Годами за вами военкомат бегаёт. Не стыдно?

– Лучше уж хулиганство пришейте, – в ужасе пробормотал Женька. – Там хоть условно дадут.

– Вот дебил, – девица отвернулась к окну.

В молчании свернули на Крымский мост. Женька посмотрел на блеклые фермы парковых аттракционов и с тоской понял, что на каток сегодня идти не придется. Надо бы Ирэн эсэмэску скинуть.

– Гражданин полковник, а вы куда меня везете?

Девица покосилась с изумлением, офицер тоже обернулся:

– Это я «полковник»?

– Не знаю, – злобно сказал Женька. – Я в ваших звездочках не разбираюсь. Я гуманитарий. Служить не готов ни по психическому, ни по физическому состоянию здоровья.

– Однозначно – дебил, – прокомментировала девица.

– Да, умственно отсталый, – с готовностью согласился Женька. – Я нашей армии только мешать буду. Слушайте, если нужна некоторая материальная компенсация, то я готов. Только домой давайте заедем.

– Домой мы к вам заедем, – пообещал офицер. – Попрощаетесь с матерью. А намеков на взятки, будем считать, мы не слышали. Не тот случай, гражданин Земляков. И вообще, рас-

слабьтесь. Поздно суетиться. На ближайший год Министерство обороны полностью обеспечит вас всем необходимым, включая желания и волнения. И не смотрите с таким отчаянием. В армии люди живут, служат, выполняют свой долг. И некоторым там даже нравится.

Завернули во двор дома. Никто ничего у Женьки спрашивать не собирався, – видимо, отлично знали, где прописан.

«Девятка» остановилась:

– Так, Земляков, – у вас двадцать минут. Попрощайтесь, возьмите зубную щетку и прочие предметы личной гигиены. Служить будете преимущественно в Москве, по гражданской специальности. Так что озадачиваться валенками и запасом сгущенки не стоит. Все получите на месте. Идите. Ровно двадцать минут.

– Я буду жаловаться.

– Ваше право. Вы человек образованный, телефоны Комитета солдатских матерей, приемной президента и райвоенкомата наверняка имеете. Меня зовут майор Варшавин Александр Александрович. Майор – это такое воинское звание. Впрочем, в военкомате в курсе. И насчет звания, и насчет того, что я вас забираю. Идите.

– Земляков, время пошло! – рявкнула девица. – Папку не забудь. Вот выйдешь в генералы, тогда свиная кожей будешь щеголять. Да, если есть мысль запереться в квартире, – эта мысль однозначно глупая. Сгноим в стройбате или где-нибудь на таежной свиноферме. Вот если пожелаешь по пожарной лестнице улизнуть – иное дело. Охотно наблюдаем.

– Катерина, не провоцируй призывника. Крыша сейчас скользкая – сорвется парень в два счета. И вообще, товарищ Земляков – человек сознательный и честный. В глубине души.

Лифт привычно встряхнуло, и Женька вышел на широкую лестничную площадку. Машинально достал ключи. В голове был полный сумбур.

– Ой, Жень, хорошо, что пораньше пришел, – мама в уютном бархатном халатике возникла из кухни. – Супчик еще теплый. Твой любимый, сырный.

Женька обессиленно сел под вешалку:

– Мам, меня в армию загребают.

– Как? Уже? А университет?

– Выперли.

– Женечка, да что ты такое натворил?!

Позвонил Игорю – тот был где-то за городом. Удивился, обещал помочь. Дня через три, в крайнем случае через неделю. У Иосифа Андреевича телефон оказался отключен. Женька яростно потер взмокшее лицо и набрал номер отца.

– Забирают? Что ж, это то, что тебе нужно. Поздравляю.

– Пап, не издевайся. Я там не выдержу. Сдохну ведь.

– Не сдохнешь. Станешь мужчиной. Я вечером подъеду, поговорим.

– Они внизу. Десять минут мне осталось. Пап, сделай что-нибудь. Я тебя прошу. По-настоящему прошу.

Отец помолчал:

– Жень, по-настоящему помочь я уже не успею. Нужно было с пяти лет тебя за загривок ежедневно трясти. Извини, что пожалел. Успеха тебе. Осмотришься, напиши или позвони. Мы будем волноваться...

В Нескучном саду выгуливали собак. Неспешно бродили холеные псы и их спортивные, подтянутые, в горнолыжных комбинезонах, хозяева. Вид с пятого этажа открывался замечательный. Женька на миг прислонился лбом к холодному стеклу. Вот и все, кончилась жизнь. Хоть выбрасывайся. Нет, рано отчаиваться. Если и вправду в Москве оставят служить, может, комиссоваться удастся. Игорь поможет.

Мама суетилась на кухне. Провизию готовила. Сказал же, чтобы ничего не собирала.

Звякнул дверной звонок. Сволочи – секунда в секунду.

- Женечка, ты готов? Неудобно людей ждать заставлять.
- Мам, не открывай, – прошептал Женька в холодное стекло.
Не услышала, лязгнул замок.
- Здравствуйте, как наш новобранец? Окончательно мужество не растерял? – майор улыбался.
- Здравствуйте, здравствуйте! Загляните хоть на минутку. Все так внезапно... – жалко суежилась мама.
- Сейчас все в этом мире жутко мобильно, – веско заявила светловолосая стерва. – Вооруженные силы обязаны соответствовать требованиям времени.
- Конечно, конечно! А вы, извините?...
- Старший сержант Мезина, – представилась садистка. – Сегодня выходная, но привлечена, чтобы, так сказать, не слишком пугать погонями вашего призывника.
- Вы, наверное, из пресс-службы? – догадалась мама.
- Практически угадали, – сержант-девица ослепительно улыбнулась. – Ну, готов ваш сын взглянуть жизни в лицо?
- Наверное, – мама жалобно глянула на молчащего Женьку. – Ты только не волнуйся, ладно?
- Волнение в такой момент вполне понятно и простительно, – заметил майор. – Новая жизнь у человека начинается. А вот для опасений почвы нет. Специальность у Евгения Романовича нужная, редкая. Будет служить в Москве, если, конечно, не напишет рапорт о переводе в более интересные и экзотические места. Так, знаете ли, тоже случается. Собственно, месяца через два Евгений может рассчитывать и на увольнительную. Раньше, извините, никак не получится. Карантин, курс молодого бойца, введение в реалии современной службы – сами понимаете.
- Конечно-конечно. Вы уж присмотрите за ним, пожалуйста.
- Непременно, – заверила сержантша. – Под нашей опекой будет. Дисциплина серьезная, но без всякой там дедовщины. Уж можете поверить. Прошу, товарищ Земляков, – транспорт ждет...

* * *

Стойло скотское. Два стола, взгроможденные друг на друга, занимали едва ли не треть комнатухи. Рядом с трудом умещалась койка с ватным полосатым матрасом, стол, компьютерное кресло и обшарпанная табуретка. У двери торчала металлическая вешалка и шкаф, набитый старыми папками-скоросшивателями. На окне, полузакрытом столами, красовались решетка, покрашенная в белый цвет, и кубики датчиков сигнализации.

Камера заключения.

Опомниться Женька так и не успел. До места службы ехали меньше получаса – Третье кольцо было свободно, сразу свернули на Комсомольский. Ворота с покрашенной жестяной звездой. Дежурный с красной повязкой на рукаве. Коридорчик проходной. Казарма, рядом двухэтажное, зачуханного вида здание. Электронный замок, еще один коридор...

Жить здесь нельзя. Здесь из вещей-то только здоровенный новенький монитор. Правда, ни к чему не подключенный – провода валялись на полу, рядом с «фильтром-пилотом». Жутковато светится красный глазок индикатора напряжения.

– Я попугай с Антильских островов. Но я живу в квадратной келье мага, – процитировала возникшая в двери сержантша. Уже без верхней куртки, в небрежном светлом свитерке и джинсах. Джинсы, хм, шикарные. В смысле и сами портки недешевые, и плоть светловолосой военнотружущей весьма... стильная. Моделью она подрабатывает, что ли? Экие длиннющие конечности.

– Эй, абитуриент срочной службы? Огляделся? Проникся? Что такой заторможенный? Не нравится уединенный приют?

– Здесь и зубную щетку положить некуда, – угрюмо заметил Женька. – Мне вроде тумбочка положена или шкафчик?

– А, так кое-какие представления об армейской службе у тебя имеются? Щетку, пасту, бритву и прочие зубочистки можешь пока сунуть в стол. Если тумбочка окажется жизненно необходима – изыщем. Лишнее столы выкинем. Правильную форму одежды, обувь и одеяло получишь незамедлительно. Заодно покажу, где столовая. Завтрак в 7.00, обед в 13.00, ужин в 19.00. Опаздывать без уважительной причины не принято. Схлопочешь взыскание. Можешь сразу вырубить зубилом-рубилем на внутренней стороне век – здесь не опаздывают и ценят точность. Ясно, рядовой?

– Понял.

– Не «понял», а «так точно». Собственно, лучше пока и ограничить лексикон этим «так точно». На первые месяцы хватит с лихвой. Остальные вопросы задаешь в специально отведенное время.

– Так точно. Разрешите спросить?

– Валяй, – милостиво качнула светловолосой головой сержантша. – Только недолго, нам нужно в комендантскую каптерку успеть. Что за животрепещущая проблема?

– А где остальные?

– Кто?

– Ну, батальон. Рота.

Девушка ухмыльнулась:

– Тяготеешь к парадам и массовым построениям на плацу? Вынуждена разочаровать. Твой взвод, рота и батальон – это я, товарищ майор и еще три-четыре человека. В звании рядового ты тут единственный и неповторимый. Можешь законно гордиться. Попал в элиту. Осознаешь всецело, если останешься у нас. Или наоборот, если осознаешь – останешься. Все, разговоры отставить. Вперед, за достойным камуфляжем.

* * *

За три дня к камуфлированному блеклому «хабэ» Женька кое-как привык. Оказалось, если брючный ремень правильно подогнать, штаны не так уж и отвисают на заднице. Товарищ старший сержант показала, как нужно подшивать воротнички. Занятие это казалось абсолютно нелепым, но пришлось поднатужиться. Начальница пообещала «драть за грязь и криворукость беспощадно», а слово с делом у нее не расходилось. Женька это осознал на второй день, когда выгнала на пробежку. Процесс оказался абсолютно не похожий на армейские физзарядки – Женька уже полюбовался на утренние потуги комендантского взвода, благо корячились соседи по службе в углу двора. Под рывканье прапорщика присесть и отжиматься дело, конечно, тоскливое, но парням, честное слово, было легче. А Женьку начальница элементарно заставила пробежаться.

Было еще темно, Женька с нехорошим предчувствием натянул спортивные штаны и ветровку, кроссовки ему оставили собственные, гражданские. Задачу старший сержант поставила элементарную – как можно скорее прибыть из точки А в точку Б. По сути, круг «расположение в/ч» – Крымский мост – парк Горького – Пушкинский мост – «расположение». Женька бежал, оскальзывался на льду. До парка еще старался, держался спортивно. Только дыхания уже не хватало. Мелькнула надежда, что в парк не пустят, но сержантша только кивнула скучающему охраннику – видимо, ее здесь знали. До моста Женька кое-как трусил, потом спекся и перешел на шаг.

– Э, боец, ты не со студенточкой здесь фланируешь, – сообщила надсмотрщица, поправляя под своей ветровкой пояс с бесчисленными кармашками утяжелителей. – Работай.

– Да не могу я. Не марафонец.

– Ну-ка! – Рука у сержантши была крепкая – так хлопнула между лопаток, что Женька, втянув голову в плечи, заскакал вверх по лестнице.

Хватило ускорения ненадолго. В сквере за мостом начал окончательно подыхать.

– Вперед, Земляков!

– Не могу, – прохрипел Женька, хватая ртом воздух. – Воспаление легких схвачу.

– Вылечим.

– Да уж не трудитесь. Лучше подохну.

– Отчислю я тебя, мудака!

– Ну и отчисляйте.

Сержантша замолчала. Больше не подгоняла. Кое-как быстрым шагом добрались до «расположения». Спина под ветровкой начала мерзнуть.

Стоял Женька под горячими струями душа, потом не выдержал, сел на теплый пластик поддона. Может, и правда пневмония – это выход? Ведь комиссуют тогда, а?

Оказалось, сержантша дожидалась, когда душ освободится, сидела в предбаннике. Светлые волосы взъерошены, камуфляжная майка обтянула грудь.

– Извиняюсь, не подумал, – пролепетал Женька.

Ничего не сказала, только глянула недобро, скользнула в душевую кабину.

Почти до обеда не трогали. Женька сидел в каморке, читал уставы и документы из скоросшивателей. Приказано было ознакомиться со всеми томами. Смысла в этом не было ни малейшего – просто копии документов и боевых отчетов давних пор, начиная с гражданской войны и заканчивая действиями в Афганистане. Понимал Женька с пятого на десятое – одни аббревиатуры чего стоили. Ладно, как говорится в древней армейской мудрости – «солдат спит, служба идет». На койку Женька ложиться все-таки не осмеливался, – вероятно, за такой грех немедленно из Москвы сошлют.

Перед обедом заглянул майор:

– Так, Земляков, штудируешь? Похвально. Иди-ка на свежий воздух.

Женька, неловко застегивая пуговицы бушлата, поспешил во двор.

Там ждали еще два начальника: ненавистная сержантша и незнакомый круглолицый капитан.

– Вот что, Земляков, – сказал майор, – неувязочка получается. Екатерина Георгиевна, в смысле товарищ старший сержант, докладывает, что вы не проявляете должной заинтересованности в улучшении своей физической формы. Это странно и необъяснимо. Вы не любите спорт, а, Земляков?

– Никак нет, товарищ майор! – браво отрапортовал Женька. – Спорт и физкультуру я люблю. Особенно баскетбол. Но к стайерским дистанциям не имею способностей. Конституция у меня такая от рождения.

– С обращением по уставу, вижу, вы ознакомились. Это хорошо. А вот насчет неудачной конституции – весьма прискорбно. Бег – основа бытия. Я вот в свое время не успел ноги унести, в связи с чем данные конечности и пострадали, – майор похлопал себя по бедру. – Ладно, вот перед вами гимнастический снаряд, в просторечии именуемый турником. Подойдите и выжмите из себя все, на что способны. Чистота выполнения элементов не обязательна. Но, уж будьте любезны, до предела напрягитесь.

Женька постарался. Десяток подтягиваний, попытка подъем-переворота.

– Все? – вежливо осведомился майор, когда новобранец спрыгнул и попытался опра-вить задравшийся бушлат.

- Так точно. Растренирован я слегка, да и металл холодный, – объяснил Женька. Офицеры переглянулись.
- Тент, – непонятно сказал капитан. – Полный тент.
- Я сразу говорила, – проворчала сержантша.
- Что ж, отрицательный результат – тоже результат, – заметил майор. – Идите, Земляков, забирайте личные вещи. Вы переводитесь в комендантский взвод. Желаю успехов в политической и боевой подготовке.

* * *

В комендантском взводе Женька выдержал сутки. Нет, никаких неуставных и нехороших вещей новые сослуживцы себе не позволяли. Обращались подчеркнуто вежливо и отстраненно. Койку, правда, вновь прибывший военнослужащий получил у прохода. И не по себе все время было – спиной насмешливые взгляды чувствовал. Прапорщик, командир взвода, чуть ли не ежечасно напоминал, что рядовой Земляков является новобранцем, присягу еще не принявшим, посему геморрой никому не нужен. Идти в наряд Женька, естественно, не мог. Целый день учился пришивать подворотничок (оказалось, делал это совершенно неправильно) и подметал кубрик. Да будь оно все проклято – разве можно было заподозрить, что в комнате существует столько пыли? Сержант, дежурный по взводу, сдержанно указывал на огрехи в уборке, не стеснялся мазнуть по пыли начальственным пальцем. А ведь сопляк совсем – на год, а то и на два младше самого Женьки. «Тщательней, тщательней, Земляков». Ну кому она нужна, такая стерильность?

Но хуже всего оказалось сосуществовать с двадцатью незнакомыми людьми в одной комнате. Слушать их вздохи и похрапывания. Ни на миг не оставаться в одиночестве. И еще не было во взводе душа! Вернее, был, но только по субботам и общий. И сортир... о-о...

Вообще-то комендантский взвод жил довольно просторно. Ни о каких двухъярусных койках речь и не шла. Два кубрика, коридор с «тумбочкой» и дневальным. В обязанностях – охрана и обслуживание двух зданий, принадлежащих МО РФ. Женька с некоторым удивлением узнал, что невзрачное здание, где новобранцу Землякову пришлось куковать трое суток, является совершенно секретным объектом. Отдел «К», надо же. Новые сослуживцы мельком осведомились – как там, строго? Женька честно сказал, что ничего толком не понял, лишь старым архивом занимался, пыль стряхивал. Похоже, не поверили. Народ в комендантском взводе был ушлый – почти все пристроились в столице по знакомству, рядом с домом. По слухам, раньше на Фрунзенской вообще дивно служилось – каждые выходные увольнение домой точняком светило. Теперь построже времена наступили, но все равно коменданчи своей службой дорожили и загреметь в обычную строевую часть весьма опасались. Кому оно нужно, БМП и БТР мыть, по холоду вокруг какого-нибудь склада ГСМ гулять-охранять?

– Взвод, подъем! К утреннему построению подготовиться!

Женька поспешно чистил зубы. Койку придется перестилать – одеяло, хоть убей, ровно заправить никак не получается. После построения сержант пальцем поманит, томительно начнет объяснять о параллельных полосах, о ровном канте. Совершенно не о том Канте, что «Критикой практического разума» занимался и ныне мирно покоился в Кёнигсберге-Калининграде. А ведь недавно корпел студент Земляков над скучнейшей лекцией, переводил пространные размышления о необходимых предпосылках нравственности. И не приходило тогда в голову, что все основы нравственности потрясающе четко в «Строевом уставе» прописаны.

«Деды», видимо, всю мыслимую и немыслимую мудрость бытия уже постигли, поскольку никуда не торопились. Женька, полоща рот, невольно слушал рассуждения, доно-

сящиеся из-за невысоких перегородок, аккуратно пронумерованных «Очко № 1», «Очко № 2».

– Нет, я с нее тащусь. Это ж такая «анжелина». Вчера на КПП стою, она проплыла. Я вслед глянул – у, блин, прям подперло немедля в «самоход» свалить. Нет, «Коламбия пикчерз» тут отдыхает. Ох, не дождусь я дембеля. Бром пить начать, что ли?

– Ладно тебе тухнуть. Сержа Бирлюка помнишь? Он рассказывал, что дива блондинистая раньше пообщительнее была. На склад, значит, заглядывала.

– Это Катрин-то? Не смейся. Ты ей только намек сделай – мигом в лоб схлопочешь, да так, что всю жизнь будешь на виагру с упсой копить. Высокого полета зеленоглазка.

– Может, и так. Болтают, она регулярно на «боевые» ходит. Надо бы у нашего дрища спросить.

– Спросим. Присягу с помпой примет дух бесплотный, жизни вдоволь нюхнет...

Женька на цыпочках выскочил в коридор.

До обеда сто раз успел заправить койку, в перерывах зубрил устав. Дежурный по взводу наведывался регулярно. Канты на койке браковал, знание устава нехотя одобрил. Одарил рядового Землякова неким разнообразием – теперь выравнивание кантов чередовалось с доведением ботинок до нужного блеска.

После обеда полагалось двадцать минут отдыха. Свободные от наряда комендачи курили в тесной беседке на свежем воздухе. Некурящий Женька топтался рядом, сослуживцы «молодого» упорно игнорировали. Без шинели было холодно. Женька с тоской поглядывал в сторону окон корпуса «К». И чудо приключилось – появился из-за тяжелой двери майор Варшавин, с удовольствием глянул в небо с порхающими снежинками, закурил.

Вот оно – или сейчас рискнуть, или еще год локти себе кусать будешь.

Женька, стараясь отчетливее топтать каблуками «берцев», направился через дворик:

– Товарищ майор, разрешите обратиться?

Варшавин с некоторым удивлением глянул на звучные ноги новобранца, потом благожелательно махнул сигаретой:

– А, Земляков, как служба? Укоренился? К присяге готовишься?

– Так точно! – Женька судорожно набрал в грудь воздуха и ляпнул: – Я осознал, товарищ майор. Приложу все усилия. Честное слово. Поверьте. Можно мне к вам обратно?

– Можно Машку за ляжку, – пробурчал майор, стряхивая пепел. – Что, «деды» уже прищучили?

– Никак нет! И близко ничего подобного. Но я бы хотел по специальности. Так сказать, углубить и расширить лексику, освоить новую терминологию. Вам ведь нужен переводчик?

– Нам много чего нужно, Земляков. И переводчики в том числе. Но в первую очередь мы бойцов отбираем. Не в смысле личного профессионально высокого уровня лингвиста или рукопашника. У нас специфика. Узкая и редкая. И к каждому сотруднику мы проверяющего-уговаривающего приставить никак не можем. Нам цепкие люди нужны, упрямые. А ты юноша разумный, интеллигентный. Служи спокойно в комендантском – не худшее подразделение, честное слово. Втянешься. А против природы идти незачем. Не твой стиль.

– Природа многообразна, товарищ майор, – дрогнувшим голосом намекнул Женька. – И человек обязан развиваться. Клейма бинарной номенклатуры на мне вроде бы нет. Значит, не совсем конченный. Сглупил, конечно. Так вы ж меня на полувздохе взяли. В шоке был, скрывать не буду. Но раз служить, так уж лучше с пользой. Сортиры чистить и пропуска проверять и без знания немецкого можно.

– У нас в отделе сортиры куда поглубже будут, – серьезно сказал майор. – А медали нам еще реже, чем золотарям, вешают. Пацан ты еще, Земляков. Служи спокойно. Погорячились мы с тобой слегка. Можно сказать, никакого шанса у тебя и не было.

– Другими словами, все-таки был, пусть и маленький? Товарищ майор, а если испытательный срок? Хоть сутки дайте?

– Надо же, какая настырность у товарища новобранца вскрылась. Земляков, у нас служба абсолютно не сахар.

– Так точно, товарищ майор. У вас и «боевые» бывают.

– О, так ты романтик?! – удивился Варшавин. – Врут про нас безбожно. Если кто из нас и выезжает поближе к горячей точке, так, кроме расстройства желудка и потертостей, иных прелестей оттуда не привозят. Мы не спецназ, Земляков. Ни славы нам, ни почета.

– Да какой же из меня спецназ? – пробормотал Женька. – Но с переводом документов помочь могу. Честное слово, я не так уж плохо учился.

– Да видел я твою успеваемость, – Варшавин бросил окурок в урну. – Только это не главный фактор. Катерина, то есть старший сержант Мезина, сказала, что ты излишне интеллигентен. Даже матом не ругаешься. А она у нас практик – знает, что говорит.

– Товарищ майор, так не в мате же дело! Если нужно, я в два дня наверстаю. Там же диахронический ряд весьма скромный.

– Ну, если таково мнение современной академической науки, – майор усмехнулся. – Насчет мата я пошутил. Вполне можем обойтись. С Мезиной я поговорю. Если старший сержант решит еще раз попытаться найти с тобой общий язык, я возражать не буду. Только ты еще раз прикинь, что к чему. В комендантской службе устоявшаяся. Курорт для избранных, если говорить прямо. Ладно, Катерина если сочтет нужным, наведается после ужина.

Смотрели на Женьку нехорошо. Разговор с майором, естественно, не остался незамеченным. Старослужащие по почкам очень хотели надавать – Женька спиной чувствовал. И прапорщик смотрел прищурясь. Никому не нравился Земляков. Женька и сам себе не нравился. Проститутка какая-то недоделанная.

Снова устав, на этот раз с конспектированием. Потом выяснилось, что нужно чистить снег. Женька работал с двумя парнями, оживленно обсуждающими электронные варианты дембельского альбома. Скрипели лопаты по асфальту, сгребали валы белоснежного снега. Собственно, это была не самая плохая работа за прошедшие сутки.

Снегу напало много, после ужина продолжили качать мускулы.

Женька знал, что никто его никуда не возьмет. Действительно, мало ли переводчиков в армию загребают? Земляков ничуть не лучше других. Ну и ладно. Каких-то триста шестьдесят дней до дембеля осталось. Уже чуть-чуть прослужил.

Три-ста шесть-де-сят. Охренеть можно. Этот снег кончится. Потом лето. Листья желтые. Новый снег сыпать начнет. Интересно, через год Ирэн вспомнит, кто такой Женька-Джогнут?

– Привет снеговому танкодрому!

Сослуживцы охотно выпрямились:

– Здравия желаем, товарищ старший сержант.

На сержанта Екатерина Мезина никак не походила. Короткая «аляска» распахнута, под ней сияет футболка белее снега. Под футболкой... В общем, совершенно не сержантские формы и содержание. Но ведь по уставу приветствуют комендантские. Умеет себя поставить мучительница. Хоть и фантазирует на нее весь личный состав срочной службы.

– Земляков!

– Я!!! – Женька попытался приставить к ноге лопату.

Екатерина удовлетворенно кивнула:

– Вижу, пообтерся. Учите, значит, бойца уставному смыслу жизни? И это правильно. Так, отвлеку я на минуту рядового Землякова от ударно-коммунального труда. Что там за идея насчет перевода новейшего романа Карла Мая, а, Земляков?

Отошли в сторону. Екатерина стерла с лица улыбку:

- Ну?
- Осознал, – глухо сказал Женька.
- Что именно? Тайну возникновения вселенной? Решение теоремы Ферма? Собственную сексуальную несостоятельность?
- Несостоятельность.
- Да ну? – девушка хмыкнула. – Выводы?
- Был не прав. Прошу дать еще одну попытку. Оставьте переводчиком.
- Рядовой, вы в курсе, что в Российской армии не принято выбирать род занятий? Что Родине требуется, тем и будете заниматься. Если с неба снег сыплется, значит, его кто-то должен убирать. Если бомбы – опять же кому-то их собирать..
- Так точно. Уже понял. Но переводчики Родине тоже, вероятно, нужны.
- Не переводчики, – процедила Мезина, – а бойцы с отличным знанием немецкого языка.
- Так точно. Не подведу.
- Екатерина сунула руки в карманы джинсов:
- Слушай, Земляков, давай начистоту. Я понимаю, у нас уютнее, чем в коммунальной казарме. Только что ж ты обольщаешься? Я же никуда не делась. Сведу тебя, убогого-слабо-сильного, в могилу. Ты же будешь мечтать снег чистить да на КПП красоваться, проходим девчонкам улыбаться. А в Отделе по двадцать пять часов в сутки люди работают. И жаловаться у нас некому.
- Так вы вроде дело делаете, – не очень уверенно сказал Женька.
- Да ну?! А другие мины ставить учатся, самолеты заправляют, на блокпостах сидят – исключительно для собственного развлечения?
- Если нужно, я тоже могу керосин заливать, – угрюмо заверил Женька. – Только я иному учился.
- А керосином пусть керосинщик занимается, да?
- Наверное. Керосинщик или парень, которого из «керосинки»⁶ выгнали. Лох вроде меня, только с иным уклоном.
- Екатерина пожала плечами:
- Земляков, последнее твое предположение в принципе логично. Но здесь армия, и так исторически сложилось, что здесь...
- Все через задницу?
- Не хами, Земляков. Со старшим по званию разговариваешь. Я, между прочим, добровольно в этой заднице служу.
- Виноват.
- Екатерина качнулась на каблуках сапожек:
- Значит, так, Земляков. Проведем тест на вшивость. Если завтра в поход, если завтра война. Представь: вот летят тучами янкесы, ползут миллионами китаезы. Твои действия?
- То есть как? Приказ будет. Ну, там, на фронт выйти. Или в этот, в укрепрайон. Это ж как-то организовано, по плану, да, товарищ старший сержант?
- Вне всяких сомнений. План у нас всегда имеется. Только что ты, переводчик с велико-германского, среди сопок будешь делать? Фильмы из серии «дастиш-фантастиш» начальству переводить? Рецепты баварских сарделек уточнять?
- Женька смотрел под ноги, на очищенный асфальт:
- Я стрелять не хуже других смогу. Поставят на керосин, буду заливать. И английский я немного знаю. Методика одна, если нужно...

⁶ Прозвище Российского государственного университета нефти и газа им. И. М. Губкина.

– Английский теперь все знают. Даже слишком хорошо. Но дело не в этом. Нам не переводчик нужен и не заправщик. Все сразу отделу нужно. В одном флаконе. И чтобы упрямства хватало.

– Так точно. Я постараюсь.

– А если командировка? Если пули над головой посвистывают? – склонив голову к плечу, поинтересовалась Екатерина.

– Так что ж, ребята ходят, – промямлил Женька. – Если нужно...

– Но ты на подвиги не рвешься?

– Товарищ старший сержант, войны вроде не предвидится. Если нужно, пойду, конечно. Но вообще-то я не очень агрессивный, – уныло признался Женька.

– Вот это правильно, – Мезина неожиданно усмехнулась. – Уровень агрессивности в наше время легко корректируется нужными инъекциями или оральным приемом специальных препаратов. Значит, так – два дня испытательного срока. Сдохнешь – я не виновата. Правило первое, и пока единственное: бежишь – умираешь – встаешь и опять бежишь. Естественно, бежать будешь не только ногами. Готов сдохнуть жестоко?

– Так точно!

– Иди снег дочищай, лошара.

* * *

Следующим утром Женька бежал сквозь снег. Маршрут знакомый. Екатерина не подгоняла, трусила следом, отставая метров на двадцать. Женька старался. Перегнул – после Пушкинского моста шатало как пьяного, едва перебирал свинцовыми ногами, хрипел. Скатился в подземный переход, напугав ранних прохожих. Екатерина уже не бежала, шла следом. Но Женька действительно быстрее не мог. Топтался словно на одном месте, в глазах даже темнело.

– Стоп, Земляков!

Женька с трудом разглядел, что она протягивает, – оказалось, шапочку потерял где-то. Ввалился в КПП, – сержантша еще с кем-то разговаривала, – Женька ничего не слышал, так сердце гроыхало.

Душ. Когда выполз, начальница отобрала полотенце.

– На завтрак сегодня можешь не ходить. Чайник включишь, там печенье в коробке.

После чая Женька поправлял заправку койки, плюхнулся, совершенно забывшись. Вошла нагруженная сержантша: папки какие-то, пачка бумаги. Ноутбук и принтер.

– Расслабился? Принимай агрегат и словари. К вечеру перевод вот этого и этого документа должен быть готов. Твой анализ авторов. Личные характеристики дашь. Изложишь по-русски. Обед не вздумай пропустить. Я тебя вижу либо за ноутбуком, либо на турнике во дворе. Уловил? Все, можешь умирать.

Умереть Женька не умер, но был весьма близок к летальному исходу. Просто чудовищные документы. Исторические, практически времен Третьего рейха. Воспоминания какого-то склеротического ветерана еще ничего себе. Но копии нескольких листков, исписанных порывистым почерком, – просто рафинированный садизм. А сокращения? Ну, фашисты проклятые.

– Почему к турнику только раз выходил? Стесняешься? Я тебе завтра бикини в цветочек принесу. Нацепишь и пойдешь.

Не забывала подопечного товарищ старший сержант, заглядывала в гости.

Закончил Женька с переводом только около двух ночи. Нерешительно постучал в кабинет начальства – надзирательница сидела вместе с майором, мерцал огромный монитор. Екатерина выглянула в коридор:

– Закончил? Хреново, Земляков. С такими скоростями мы многого не добьемся. Расслабься на турнике. Если руки будут ныть – плохо. Ты конечностей вообще не должен чувствовать. Потом чашка чая и отбой. Утречком проверим – ничего там за ночь с ЦПКиО не случилось?

Рухнув на койку, Женька едва успел подумать, что день какой-то секундный выдался. Ох, какой классной подушка показалась.

* * *

– Подъем! Рядовой, у тебя часы есть? Или обязательно мне орать нужно? Развивай внутренний хронометр. Через сорок пять секунд – у входа. Форма одежды спортивная.

Снова Крымский мост, подошвы кроссовок оскальзываются на предательских наледях. Нужно темп правильный взять, с учетом вчерашних ошибок. По раннему времени прохожих почти нет. А те, что есть, оглядываются на бегунов. Не на Женьку, естественно, – нужен кому неуклюжий парень? Партнершей любят. Может, кто-то и выводы неправильные делает. Ох, неправильные. Сука она. Чистокровная. Вот с кого садисток-надзирательниц лепить. Сдохни, рядовой.

– Носом дыши. Носом, я сказала!

Не сдох. Снова шатало так, что плечо о столб ушиб.

– Земляков, ты что-нибудь о расчете сил и средств слышал? – в голосе сержантши явная досада. – Не нагружали вас столь скучными материями? Ты кроме ног еще и голову используй. Я имею в виду, не только столбы ею околачивай, но и по прямому назначению.

– Так точно, – Женька пытался сплунуть, но слюна клеилась до невозможности.

* * *

– Земляков, неделя к концу подходит. Завтра у всех нормальных людей банно-прачечный день, а у некоторых и просто законный выходной. А кое у кого праздник со слезами на глазах, то есть торжественная присяга. Положено, чтобы юноша перед новым этапом своей жизни пульнул из чего-нибудь похожего на настоящее оружие. Ты когда-нибудь стрелял?

– Так точно!

– Рогатка? Лук и стрелы с присосками? Трубочка и жеваная бумага?

– Никак нет! Из охотничьего стрелял. 12-й калибр. И еще из пневматики. У меня на даче ружье есть. Отец когда-то подарил «Норику».

– Трогательно. Но ничего испанского предложить не могу. Обойдемся проверенными изделиями иных фирм. Пошли.

В подвале Женька еще не был. Оказалось, вовсе не подвал, а вполне приличный этаж. Свернули, из-за стола встал смутно знакомый прапорщик. Насмешливо взглянув на новобранца, принялся отпирать дверь.

– Спасибо, Сергеич. Ты нас оставь в интиме. Сам понимаешь – дефлорация.

– Бесстыжая вы, Екатерина Георгиевна, – прапор покачал головой и, ухмыляясь, вышел в коридор.

Тир был невелик. Метров тридцать. Три поясных мишени, смутно подсвеченные желтым светом.

Мезина угрожающим голосом зачитала пространную инструкцию по ТБ.

– Уяснил?

– Так точно!

– Стоп, ты пока в струну тянуться отставь. Оружием занимаемся. Спрашивай, что не понятно, без всяких там церемоний. Не тот момент. Да, в журнале все-таки распишись, а то меня за задницу возьмут.

Женька поставил закорючку, обратив внимание, что на странице почти сплошь росписи самой ст. серж. Мезиной.

– Итак, устройство стреляющее, под названием «АК-74». Калибр – 5,45, емкость магазина – 30 патронов.

– Автомат Калашникова, – несколько обиженно сказал Женька. – У комендантского взвода в оружейке такие. Я, в принципе, знаком.

– Тогда валяй. Вот ствол, вот магазин, патроны. Приготовить оружие, о готовности к открытию огня доложить.

Патроны в магазин лезли довольно неохотно. Женька справился, присоединил магазин, неуверенно потянул затвор:

– Готово, товарищ старший сержант. Стрелять?

– На предохранитель поставь.

Женька осторожно положил автомат. Екатерина сидела на стойке, смотрела с очень странным выражением.

– Я не Рембо, – смущенно признал новобранец.

– Серьезно?! А я уж было подумала. Слушай, ты стрелять ведь не хочешь?

– Почему, интересно ведь.

Екатерина как-то мученически вздохнула:

– Давай. Рядовой Земляков, надеть наушники, по правой мишени, огонь!

Женька поймал в прицел смутный силуэт, с трепетом потянул спуск. Вроде бы плавно нужно. Автомат откликнулся-затрепетал. Отдача оказалась слабой. Машинка внезапно захлебнулась.

– Все, а? – с некоторым разочарованием спросил новоявленный автоматчик, стягивая наушники.

– Десять патронов, как положено. Рядовой, гильзы собрать!

От гильз пахло остро и как-то волнующе. Женька впихнул их в гнезда специального деревянного бруска.

– Поздравляю, – мрачно пробурчала наставница. – Кандидатский минимум военнотружущего срочной службы ты выполнил.

– Попал, да?

– Куда-то бесспорно попал. И в обморок не брякнулся. Можно сказать – результат положительный. Теперь бонус. По специфике службы.

Она сдернула кусок ткани, расстеленный на углу стойки, и Женька увидел аккуратно разложенное оружие. Две винтовки, два пистолета.

Екатерина провела пальцами по порядком обшарпанному прикладу:

– Винтовка Мосина образца 1891 дробь 1930 года.

– О, винтаж, товарищ старший сержант?

– Не пи..., не тренькай, Земляков. Этот винтаж куда больше душ забрал, чем современная стрелялка. Отнесись с уважением. Калибр 7,62. Вот обойма. Чаше россыпью заряжали, но наш прапор для тебя расстарался. Приступай.

Зарядить древнее оружие Женька все-таки умудрился. Винтовка оказалась увесистой, куда там с «калашом» сравнивать.

– Разрешите открыть огонь, товарищ старший сержант?

– Подними ствол. Я мишень поменяю, – Екатерина вынула из папки какую-то фотографию, – вроде бы мужчина вполне солидного облика. – Смотри в спину мне не бабахни...

Сержантша легко перекатилась через стойку. Женька смотрел, как наставница прикрепит фотографию. Перебралась обратно, кинула степлер в ящик.

– Рядовой Земляков, цель готова. Звать – Пауль Блобель, в прошлом штандартенфюрер. Женат, двое детей. Уничтожить.

Женька вскинул винтовку, поймал прямоугольник фото. Потянул спуск. Ого, как в плечо двинуло! Женька неловко дернул затвором, выбрасывая гильзу.

– Промазал, – сообщила наставница. – Низко берешь. Добивай. И живее, пока он ответного огня не открыл.

Женька высадил в сумрак еще четыре пули и с облегчением опустил тяжелую винтовку.

– Будем считать, напугал камрада Блобеля до усеру, – пробурчала Екатерина. – Как ощущения? Не жалко гомо сапиенса?

– Нет. Во-первых, плечо побаливает, во-вторых, никакой он не сапиенс, а просто ксерокс старого фото. Я понимаю, что это тест, товарищ сержант, но уж очень как-то...

– Примитивно? Это верно, Земляков. Некогда мне серьезные психологические опыты ставить. Но я и так тебя разгадаю. У меня, видишь ли, некоторый опыт имеется. А вот у тебя с фантазией не очень. Этот дядька живой, Земляков. Он бывший архитектор. У него в соседней комнате дети. А сам он ждет утренний кофе, читает свежую газету. Тут ты с винтовкой, он вскидывает взгляд поверх очков, ужасается...

– Товарищ старший сержант, вы же меня не в киллеры готовите?

– Киллер – это человек нехороший. Криминальный и вообще неприятный. А мы законные. Мы вправе. Мы на службе. Нащупывай разницу.

– Так точно.

– Тогда готовь вот эту дуру. Карабин «98к», то есть курц, короткий. Изваян в твоей любимой Германии. Калибр 7,92. Совмести выступы обоймы с пазами ствольной коробки. Аккуратнее, при движении затвора рамка вылетит...

– Готово, – Женька удобнее перехватил ореховое ложе карабина.

– Замри, – шепотом приказала сержантша. – Видишь, он смотрит. Вспугнешь. Это о нем:

Так убей фашиста, чтоб он,
А не ты на земле лежал,
Не в твоём доме чтобы стон,
А в его по мертвым стоял...⁷

Женьке стало не по себе.

– Огонь! – вдруг рывкнула Екатерина, оборвав сама себя.

Слишком дернул спуск – пуля явно ушла не туда. Торопливо дернул затвор. Выстрел, выстрел, выстрел...

– Будем считать – уничтожен дяденька, – пробормотала сержантша. – Оружие на предохранитель, гильзы собрать.

Женька поползал, собирая гильзы. Екатерина сидела на стойке, молча наблюдала. Когда новобранец выпрямился, сказала, глядя исподлобья:

– Он там валяется. Мозги из затылка вышибло, паркет забрызгало. Как ощущения?

– Не очень, – признался Женька. – Пробирает.

– Нормально. Должно пробирать. Только пусть совесть тебя не мучит. Пока ты здесь корячился, он бы тебя три раза ухлопал. Резкий был мужчина.

– Значит, его уже того? Уничтожили?

⁷ Симонов К. Если дорог тебе твой дом. 1942 г.

– А ты думал? Давненько уже. Вздернули в соответствии с приговором. Что скажешь? Ростки пацифизма не проклюнулись?

– Так это вроде не война. Там, наверное, по-другому.

– Да, там подобных действий многовато. Сливаются. Да и паркета для мозгов нет. Тебя, Земляков, на войне вот это скорее всего убьет, – сержантша взяла с края стойки кусок металла.

Женька подержал кусочек иззубренного светло-ржавого железа:

– Осколок?

– Так точно. Осколок мины калибра 81 мм. Такая вот безобразная фигня людей губит. Никакой эстетики, понимаешь?

Острый металл, казалось, норовил порезать пальцы. Женька осторожно положил его на стойку:

– С войны?

– Да. Из Севастополя сувенир. Ощутил грубость действительности? Тогда переходим к устройствам более утонченным. Пистолет «ТТ» – «Тульский Токарев», калибр 7,62. Магазин на 8 патронов. Оружие сугубо личное, интимное. Револьвер Нагана, модификация 1930 года. Опять 7,62 мм. Тебе этот ствол понравится – ползать собирать гильзы не нужно.

Странное мероприятие устроила сержантша. Женька представлял учебные стрельбы как-то по-иному.

Вечером приехал какой-то усталый толстый дядька, с ходу заговорил по-немецки. Хорошо говорил, чуть бравируя рейнскими идиомами. Заставил чуть ли не на коленке сделать два перевода – отрывок из какого-то сентиментального письма и корявое требование о дополнительном подвозе бандажей с пятизначным артикулом. Женька справился – тексты были не из самых сложных, терминов мало. Потом немного поговорили о погоде, о морозах. Майор Варшавин присутствовал, слушал с интересом.

– Вполне, – сказал дядька, бегло посмотрев распечатку перевода. – Ноутбуки у вас хорошие, да и парень ничего. Слухи о смерти высшего образования несколько преувеличены. Даже венский акцент парню недурно поставили. Слушай, Сан Саныч, если он вам не подойдет, оформим перевод человека в наше ведомство. У нас перспектива.

– Договорились, – майор кивнул Женьке, – Земляков, свободен. Можешь готовиться к торжественному событию.

Как готовиться, Женька не знал. На всякий случай сверхтщательно подшил воротничок. Тут в «келью» явились майор с сержантшей.

– Земляков, а ты, оказывается, чуть ли не натуральный австрияк, – майор ободряюще улыбнулся. – Только что ты сидишь? Наглаживайся, галстук готовь, с фуражки пылинки сдувай. Присяга, она раз в жизни бывает.

– Виноват, товарищ майор, я вот только подшиться могу, – встревоженно сказал Женька.

– А где парадная форма? – майор взглянул на сержантшу. – Катрин, я не понял?

– Да кто ее получал, эту форму дурацкую? – оскорбленно поинтересовалась Екатерина. – Я что, уже окончательно обязанности зама по воспитательной работе с ротными старшинскими функциями совмещаю? У меня, товарищ майор, между прочим, сегодня свидание назначено.

– Ладно-ладно, единственного подчиненного толком обиходить не можешь. Иди отдохай, мученица. Чтобы завтра сама в парадной форме была.

– Слушаюсь, товарищ начальник отдела.

Екатерина, повернувшись через левое плечо, дерзко крутанула задом, туго обтянутым джинсами.

Майор посмотрел ей вслед, вздохнул:

– М-да, не готова товарищ Мезина к старшинским обязанностям. Ладно, утюг у нас найдется, отгладим тебе камуфляж с утра. Отдыхай, Земляков.

* * *

Оказалось, что торжественность дня утреннюю экзекуцию не отменяет. Женька вымотался, может, оттого и сама церемония не произвела особого впечатления. Стоя навывтяжку с автоматом на груди, прочел текст из красной папки. Золотые буквы на мелованной бумаге порядком выцвели, пару раз запнулся. Офицеры слушали внимательно. Сержантшу Женька в первый раз видел в военной форме. Юбка Екатерине шла, а вот бантик на вороте блузы выглядел нелепо. Наставница и сама морщилась: то ли форму недолюбливала, то ли парадный вид подопечного новобранца не внушал восторга. Женька и сам чувствовал, что наглаженный камуфляж неуклюже топорщится, а кепи на нос сползает. Впрочем, церемония уже кончилась. Знамя целовать не пришлось – в Отделе своего символа не имелось, а из управления притаскивать боевую святыню ради единственного припозднившегося новобранца-уклониста никто не собирался.

– Земляков, ты меня категорически позоришь, – сказала Екатерина, забирая автомат. – Глаза бы мои на тебя не смотрели.

– Так точно. А почему?

– Иди в келью. Сейчас приду, и займемся тем, с чего начинать было нужно.

Явилась сержантша уже в гражданском виде, без умильного бантика, зато с коробкой, набитой нитками и иголками.

– Раздевайся, Земляков.

– Не понял, товарищ старший сержант.

– Что тут непонятного? К интиму буду склоняться.

Женька неуверенно улыбнулся.

Сержантша хмыкнула:

– Не веришь? Правильно делаешь. Я к педофилии не тяготею. Будем подгонять форму. На моду нам наплевать, но создается впечатление, что ты подгузники в штанах таскаешь. Разоблачайся. Да что ты ерзаешь? Ты из душа и не в таком виде выпадаешь.

Шила Екатерина быстро, не очень ровно, зато крепко. Женька, как ни старался, ковырялся с иголкой по-детски.

– Научишься, – утешила сержантша. – Вечером я сапоги принесу. Будешь разношивать, вместо этих современных берцов-дерьмодавов. Если кто из комендантских прицепится – сошлешься на товарища майора. А теперь вот что скажи – как настроение?

– Насчет службы? – осторожно уточнил Женька.

– Нет, насчет видов ЦСКА на Лигу чемпионов. Ты мне не виляй. Ты не слишком тупой. За это я перед начальством поручилась. И давай-ка дипломатию отставим.

– Готов служить, товарищ старший сержант. Предпочтительно в отделе «К».

– Предпочтительно, значит? Обоснуй.

– По специальности. Работа интересная. Индивидуальная. Уклон специфический.

– Какой-какой?

– Ну, исторический. Реконструкторский. Я неправильно понимаю?

– Весьма упрощаешь, – Екатерина смотрела поверх куртки, на которой перешивала шеврон. – У нас весьма практический подход. Буквальный. Мы сейчас в полной тишине иголкой поработаем, а ты поразмыслишь. Ты теперь военный служащий, со всеми вытекающими правами и обязанностями. За невыполнение приказа тебе суд грозит, в зону легко загремишь или в дисбат. А в Отделе порядок проще. Через два часа, если ты мой приказ не выполнишь, я займею законное право тебя на месте пристрелить. По законам военного вре-

мени. Прочувствуй разницу. Ты переводчик неплохой. Найдется тебе теплое место в Москве. А у нас должности неуютные. Я тебя чистосердечно предупреждаю.

– Понял. А что через два часа будет?

– Тебе еще одну присягу предложат подписать. Текст там посуше слогом, безо всякой лирики. Называется – «Подписка о неразглашении». Подпишешь – работать начнем. По-взрослому.

– В смысле кросса? – с ужасом пробормотал Женька.

– В смысле близости войны. Вонючее у нее дыхание, рядовой Земляков. Думай.

Глаза у Екатерины были безумно красивые. Раньше Женька считал, что такие очи лишь в фотошопе делают. Зелень колдовская. А левую бровь шрам крохотный рассекает. Сколько ей лет? Иногда кажется, что под тридцать, иногда – что едва двадцать миновало. Бывают же такие старшие сержанты.

* * *

Сидел Женька над длинным трехстраничным текстом с авторучкой в руках. Майор не торопил, сидел напротив, разминал в пальцах сигарету.

– Товарищ майор, разрешите вопрос? Или только после подписи можно?

– Ну почему же? Спросить всегда можно. Правда, иной раз ответа не дождешься. Что интересуешь?

– Почему я? В смысле, почему меня отобрали?

– Прежде всего, по биометрическим данным. Ты очень вовремя в клинике оказался. Попытка «откосить», знаешь ли, порой прямо противоположный эффект дает. Естественно, и хорошее знание языка роль сыграло.

– Понятно. А из университета меня? С вашей подачи?

Майор сунул сигарету обратно в пачку:

– Земляков, тебя кто заставлял «хвосты» нагло игнорировать? Наша изощренная провокация, да? Взрослой жизни, ей только повод подай. Кому-то нужен переводчик, кому-то не очень нужен университет. Справедливо? Не буду кривить душой – без нашего вмешательства ты вполне мог со своими «хвостами» в легкую разобраться и сейчас в потолок поплевывать.

– Знаю, что сам виноват, – уныло признал Женька. – Товарищ майор, а насчет «боевых»? Пошлете?

– Посылать не имею права. Ты «срочник». Сам будешь решать. У нас такая своеобразная работа, что настаивать и принуждать нет смысла. Это не только тебя касается, а любого сотрудника. Сам поймешь. Но переводчик нам в любом случае нужен. Нам переводы материалов в Управлении делают и вечно с этим делом тянут. Насчет «полевых» – туда исключительно на добровольных основаниях.

– А товарищ старший сержант? Она ходит?

– Э, брат, если у тебя лирические настроения проявляются...

– Да что вы, товарищ майор, – испуганно запротестовал Женька. – Домыслы какие-то у вас.

– Да уж какие тут домыслы. Тут девяносто процентов личного состава на нашего сержанта неадекватно реагирует, – печально пояснил майор. – Одарена наша Екатерина Георгиевна с лихвой, что весьма мешает нормальному несению службы. Не ту упаковку бойцу Мезиной природа подсунула. Впрочем, это к делу не относится...

Вышел из корпуса Женька и машинально пошел к турнику. Подтянулся, сделал подъем переворотом. На втором застрял. Снизу смотрела сержантша – подошла от КПП.

– Подписал?

– Так точно. С завтрашнего дня в штате.

– Тогда спрыгивай. Через час совещание, а мне еще твое мировоззрение перевернуть нужно. Сан Саныч сказал, чтобы я тебя сама в курс ввела, – у меня получается жутко антинаучно и доходчиво.

* * *

Отдел «К» проводил операции в давно минувших годах. Так сказать, в Прошлом. Прошлом сопредельных реальностей. В свое собственное прошлое: детство свое, дедово или пращурово – попасть абсолютно невозможно. Но можно прыгнуть в «кальку» – мир-близнец, развивающийся по тем же законам, что и «нулевой». По сути, этих самых «калек» бесконечное множество. Там можно врезать по мозгам лейтенанту-артиллеристу Бонапарту, можно перемолоть на реке Калке все тумены монголов или подстрелить с чердака вождя мирового пролетариата. Все эти воздействия в той или иной мере сложны, и результаты их трудно прогнозируемы. Но теоретически возможна любая коррекция. Но бессмысленна. Твой собственный мир никак не изменится. Извлечь непосредственную и ощутимую материальную выгоду опять же проблематично. Нет, были прецеденты. Кое-что удавалось перетащить. Небольшие предметы, сувениры, даже кое-какие ценности. Но сам процесс оказался настолько сложен, что не окупал затраченных усилий. «Неверным путем идем, товарищи», – как сказал бы известный вождь, в некоторых «калках» так и не доживший до светлого царства социализма.

– В общем, эксперименты вяло продолжаются, – сказала сержантша. – Мы иногда ходим-прыгаем. Японцы, они на культурно-техническом уровне любят поковыряться. Англичане закрыли программу из-за недостатка финансирования. Янки еще возьтятся – теорию абиогенеза пытаются проверить. Пока довольно безуспешно.

– А мы? – растерянно пробормотал Женька. – Я понятия не имею, что такое абиогенез⁸.

– Да фиг с ней, с органикой. Нас иной исторический комплекс мучает. Вмешиваться бессмысленно, но мы ходим. Сугубо по-армейски. Воюем, корректируем.

– Но зачем, если вы говорите...

– Потому что иногда нельзя не вмешаться, – морщась, объяснила Екатерина. – Да не напрягайся, это только с практикой поймешь. Или вообще не поймешь. Собственно, все, что мы делаем, не так глупо. Получаем кое-какие дивиденды. Что-то можно пощупать. И главное, опыт Прыжков...

* * *

«Стоявшая позади итурмовая машина сразу же отреагировала, только Вальтеру и его людям нельзя было ничем помочь. Как выяснилось позже, уличные бои 1-го батальона продолжались до следующего утра. Особенно отличилась 2-я рота под командованием гауптитурмфюрера Беккера. Потерь было чрезвычайно много.

Деблокация нашей группы у городского кладбища позволила продолжать штурм.

Ночью мы устроились на ночлег на углу улицы Чернышевского. Я вышел проверить часовых. Рядом со своей машиной стоял и курил итурмбаннфюрер Найок. Он провел с нашей группой прошедшие сутки и был полон впечатлений.

– Не правда ли, дивный город? – спросил я.

⁸ Абиогенез – возникновение живого из неживого, т. е. исходная гипотеза современной теории происхождения жизни.

– Немного грязноват, – итурмбаннфюрер усмехнулся. – Впрочем, примерно таким я его и представлял. Скажи, русские не решатся на прорыв из города? Ведь их песенка спета, не так ли?

– Вряд ли они это понимают. Боюсь, сопротивляться они будут отчаянно.

Мы стояли и смотрели на темное небо. В городе активно работали пулеметы и артиллерия. Было три часа ночи 14 марта. Перед нами вновь была главная цель – Красная площадь, только что отбитая самоубийственной атакой русских. Ко мне подошел гешутцфюрер Реттли...»

Гешутцфюрер – это командир самоходного орудия. Чтоб они сдохли с этими фюрерами бесчисленными. Впрочем, что взять с СС – преступная организация.

Женька встал из-за компьютера и прошелся по келье. Глаза устали. Шестой вариант книжного перевода ничем не отличался от предыдущего. Блин, прямо родственником стал этот проклятый тип со своими мемуарами.

Работал рядовой Земляков. Вкалывал. Утренняя пробежка уже не казалась самым страшным наказанием. И на турник автоматически лез, и тренажеры «боксмэны» по мордам бил. Катрин показала, где ключ от спортзала. Спортзалом помещеньице называть было смешно – просто несколько матов, боксерская «груша» и несколько ростовых манекенов. «Место для релаксации». Смена рода деятельности – лучший отдых.

Три недели прошло. Словно сто лет. Графика у группы не было – просто ускоряли подготовку как могли. Дату старта менять сложно – возникнут проблемы с синхронизацией. Прыжок и так момент крайне рискованный. Тем более первый раз люди с оборудованием пойдут.

И ты пойдешь. Обломаться и попятиться... ну, уже никак. Не полное же ты чмо, Евгений Земляков?

Тогда, в воскресенье, Катрин дала мобильник позвонить. Женька позвонил маме, та поохала, но говорила довольно спокойно. Оказывается, майор ей уже два раза звонил. О присяге рассказал, заверил, что кормят хорошо. Теперь мама озадачила требованием тщательнее руки мыть, ибо в армии сплошь желудочные расстройства и чуть ли не повальная дизентерия. Особенно зараза с фруктами передается. По телевизору рассказывали.

Забавно, телевизора Женька ни разу в армии не видел. Фрукты были – Катрин исправно в отдел покупала. Любила товарищ старший сержант фрукты, особенно яблоки и апельсины. Вообще-то в рабочие моменты наставница приказала ее для краткости именовать просто Катрин. Для своих из Отдела майор был Сан Санычем, а компьютерный старлей на Шурика откликался. Женька, естественно, себя контролировал, старался об уставе и чинопочтении не забывать. Начальство относилось с пониманием. Вообще, в Отделе не то чтобы демократию культивировали, просто на лишние формальности не желали время тратить.

С армейскими формальностями Женька столкнулся как-то после ужина. Прижали трое «дедов» на лестнице казармы:

– Забурел, салабон? Стрижка цивильная, сапожки носишь? Кавалеристом заделался? Кавалергардом?

Женька несколько растерялся:

– Я с разрешения майора Варшавина.

– Да ну?! Может, у вас там и ипподром заведен?

Женьку довольно ощутимо двинули в бок:

– Как у тебя от овса? Почки не ломит?

– Эй, да вы что?!

– Как сержанту отвечаешь? Что за «че» такое? Ты устав-то читал, салабон тепличный?

Внизу распахнулась дверь. «Деды» замерли.

– Ой, а кто у нас там так страстно дышит? – томно поинтересовался снизу знакомый женский голос.

– Так мы это, насчет обуви беседуем, – чернявый младший сержант торопливо поправил на Женьке куртку.

Екатерина взлетела на площадку:

– Кадочник, я тебя предупреждала?! Я ж тебя, б..., урою. Кастрирую, кот блудливый. Спать жопой будешь. Вы у меня без всякого дисбата сдохнете, стурвормы шелудивые. Пошли на хер отсюда! Земляков, шагом марш в кабинет!

На улице сгребла Женьку за шиворот:

– Слушай, еще раз замечу, что так перед ними топчешься, переселю в их вонючий кубрик. Понял?! Блин, сопля жеваная.

– Так я...

– Что ты?! Струхнул в кальсоны? Позорник германофильский. Если в следующий раз не врежешь паршивцу под дых, я тебя сама так отметелю... Толмач лоханутый.

Был и следующий раз, закончившийся, можно сказать, почетной ничьей. Женьке надорвали карман, а один из комендантских слетел с лестницы и несколько дней хромал. После инцидента никаких оргвыводов не последовало, только Катрин как-то мимоходом бросила:

– Ты все-таки лягайся аккуратно. С травмами возни не оберешься.

Интерес комендантских явно подувал, а Женька понял, что наставница присматривает за новобранцем бдительно. Даже некоторую глуповатую гордость ощутил – не у каждого такая нянька. Хотя стыдно, конечно.

Следующий удар по самолюбию был нанесен в одно из воскресений. На увольнение Женька, понятно, не рассчитывал. Но после обеда позвонили с КПП, – оказалось, гость к Землякову.

– Мать там твоя, – хмуро пояснила Катрин, удерживая под мышкой стопку картриджей к принтеру. – Сан Саныч разрешил. У тебя полчаса. И без глупостей, Земляков.

Женька стоял у заснеженной лавки, жевал сырник и невнятно объяснял маме, что переводами завален по горло, ноут дали замечательный, и вообще практика исключительно полезная. Мама спрашивала, подливала из термоса кофе и загадочно улыбалась.

– Ладно, жив-здоров, только глаза красные. Я пойду, к тебе вот еще гостья.

Женька увидел стоящую в стороне Ирэн и судорожно заглотнул недожеванный сырник.

Подруга повисла на шее, не дожидаясь, пока мама отойдет:

– Ну ты лузер, Джогнут. Как же ты влетел?

– Да вот... угораздило, – Женька обнимал плечики, укрытые пышным меховым капюшоном, и чувствовал, что некоторые мужские реакции в солдатском теле еще сохранились. Утешительно, а то появились уже сомнения.

Чуткая Ирэн прижалась плотнее. Была она вся такая хорошенькая, душистая.

– Как же у тебя теперь с универом? Ой, что я, идиотка, спрашиваю. Давай Джогнут, отойдем, покурим.

– Слушай, мне идти уже нужно.

– Пять минут. Тебе чуть затянуться не помешает, – открыла пачку, среди сигарет прятались две самокрутки.

– Ирка, да ты с ума сошла! – ужаснулся Женька.

– Ой, какие мы дисциплинированные. Тебя что, обнюхивают? Или детектором проверяют?

Женька вздрогнул, предчувствуя беду, но обернуться не успел.

– Так, боец Земляков, что такое происходит?

Катрин стояла в распахнутой «аляске». Злая, рослая. Яркая без всяких помад и теней.

– Ой, а вы кто? – изумилась Ирэн.

– Это мой командир... – проямлил Женька.

– Старший сержант Мезина, – рывкнула Катрин. – Вы – мама? Нет? Ну и брысь отсюда.

Пунцовый ротик Ирэн округлился:

– А вы по какому праву на меня орете?

– Ириш, ты иди, – взмолился Женька, но было уже поздно.

Взгляд сержантши упал на пачку сигарет. Ирэн успела только ойкнуть – пачка оказалась в руках светловолосой истязательницы.

– Так, «дурь» тут у нас?

– А вы что, из милиции? – воинственно поинтересовалась Ирэн.

Женька не подозревал, что почти полную пачку сигарет можно смять в шарик. У Катрин получилось с легкостью. «Мячик» увесисто стукнул Ирэн в лоб и отскочил в сугроб.

– Гэть отсюда!

Ирэн уже удирала, держась за длинную рыжую челку. Сержантша повернулась к Женьке.

– У меня и в мыслях не было! Я же не просил, – взвыл рядовой Земляков.

– Агнец невинный, – Катрин длинно сплюнула в снег. – Тискал гостью исключительно из вежливости? Ну, отгребешь.

Женька отгреб. После отбоя ему был выдан инструментарий в виде щетки и банки чистящего средства, и ночь рядовой Земляков провел, приводя в порядок санузел отдела «К». Вообще-то туалет был довольно чистый, но так казалось только на первый, сугубо непрофессиональный взгляд. Катрин пару раз заглядывала, проверяла. Зевая, объясняла разницу между чистым и девственно чистым унитазом. Женька осмелился спросить – зачем унитазу девственность? Оказалось, чтобы микробы от удивления в обморок падали. Под утро экзекуцию милостиво прекратили. Женька успел даже часок поспать до пробежки. Когда рысили по свежему снежку, Катрин сказала:

– Кстати, о девственности, дисциплине и «дури».

– Вообще-то Иришка нормальная девчонка, только легкомысленная слегка, – пробормотал Женька.

– Я об унитазе. Надо было бы тебя попросту отметелить. Не верю я в действенность затяжных педагогических унижений. Злой на меня?

– Э-э... лучше унитаза, чем иные методы. Я слышал, телесные наказания не признаются современной наукой.

– Кому ты говоришь? Я в свое время один курс педагогического отсидела. Вот же бездарно проведенное время! Еще и теперь злопамятные старшие товарищи припоминают. Вот – тебя на дрессировку подсунули. А насчет физического воздействия – ты напрасно. Пинок куда честнее любых нотаций. Там ты хоть увернуться вправо. И тонус физический такое воспитание поддерживает.

– Так точно. Можно я подумаю над этой дилеммой, товарищ старший сержант?

До второго моста бежали молча, потом Женька пропыхтел:

– Катрин, можно вопрос задать? Вы где еще учились? Я имею в виду по военному образованию?

– О, это отдельный вопрос. Отвлеченный. Давай-ка лучше я тебя по делу спрошу. Ты пойдешь?

Женька на миг задрал голову – вверху мелькали застекленные желтые фермы моста и выдохнул:

– Пойду, товарищ старший сержант. Я же вроде нужен. Готовился. И потом это ведь ненадолго.

– Ну-ну. Ты подумай в последний раз.

Свершилось всю буднично. После обеда позвал в свой кабинет майор.

– Ну, Земляков, как настроение? У нас с тобой сегодня обозначилась «точка невозврата». Решение имеешь?

– Готов идти, товарищ майор.

– Ну и славно. Подписывай.

Женька подписал очередную бумагу.

Майор сунул ее в сейф:

– А говорят, у нас молодежь неосознательная. Врут. Как минимум в пяти случаях из ста определенно врут. Слушай, Евгений, ты, главное, геройствовать не готовься. Одна излишне азартная воительница у нас уже имеется – явный перебор получится. Твоя задача?

– Выполнять приказы. Уцелеть. Помочь с переводом во время вербовки.

– М-да, в целом с планом операции ты знаком. Но учти – появятся новые вводные той «кальки». Операции по безупречно разработанному плану почему-то никогда не проходят.

– Я понимаю, товарищ майор.

– Ничего ты не понимаешь. Не полностью ты готов. Беру я грех на душу. Ладно, Катрин тебя в любом случае выдернет. Шею тебе свернет, если глупости начнешь делать, но вытащит.

– Так точно. Я уловил.

– Ну-ну. Иди готовься. В шестнадцать «летучка».

Женька пошел готовиться. Готовиться к командировке на войну. Пусть в атаку бежать и не придется, но все равно. Передовая рядом будет. А в городе... Там и вообще никакой передовой не будет. Уличные бои. Хаос. И в каком подвале от снарядов ни отсиживайся, гарантий никто не даст. Черт, просто не верится.

Страшно было рядовому Землякову. Ведь не имел особой склонности к войнушке даже в глупеньком детстве. В игрушки играл чаще космические – красивые там звездолетки, скафандрики. «Вражеский флот южан-вонги движется из-за угла галактики». Интересно, но слегка надоедает. Лучше читать сказки братьев Гримм. Тоже страшновато, таинственно.

«Площадь Дзержинского (немцы именовали «Красная площадь»), официально с ноября 41-го года по февраль 43-го – площадь Немецкой армии, с марта по август 43-го – площадь Лейбштандарта СС...

...за два года постоянное население города уменьшилось до 190 тысяч человек...»

Они будут где-то там – среди развалин. Гражданские. Женщины, дети, старики. Мертвые и живые. И еще немецкие штурмовые группы. Остатки советских дивизий. Мертвые и живые. Раненые, которых некуда и не на чем вывозить.

А если тебя ранят? Осколок бомбы или мины? То бурое острое железо. Или пуля снайпера? Да, тебя вернут сразу. Взовет «Скорая помощь», понесет в Центральный клинический госпиталь МО. Иная медицина, совсем иная, современная. Спасительная. Впрочем, почему тебя должны ранить? Задание конкретное, важное, вдумчивое, без суеты. «Ювелирная миссия», – говорит Катрин. Переводчик жизненно необходим. Переводчика будут беречь и хранить. Вербовка – дело тонкое, толмачить нужно филигранно.

Черт, как можно отыскать конкретного вражеского офицера в охваченном боями городе? Все эти свидетельства эсэсовца-ветерана и выеденного яйца не стоят. «Я... мы... я приказал... мы выполнили молниеносно... открыли дорогу... мы с ходу ворвались». Врун хвастливый.

«Интуиция», – в один голос вторят майор с сержантшей. Ага, на субъективные способности только и надежда. Это же отдел «К».

Найти в одной из вражеских штурмовых групп нужного человека, изъять, за пару часов убедить работать на противника, отпустить.

Конечно, он верткий тип, этот Найок. Человек, запустивший механизм Мировой войны, взлетевший вверх, подвергшийся опале, угодивший на фронт, прощенный и очень

вовремя сообразивший, что война проиграна. Куда он исчез из недолгого американского плена? Улизнул в Южную Америку? В Канаду? Или схлопотал пулю в затылок от своих бывших сослуживцев?

Человек, знавший много тайн. Лакомая добыча. На вырост, так сказать, приз.

Вам, товарищ рядовой, лишнего знать не положено. Следуйте за старшими товарищами, берегите свою задницу и в нужный момент точно переведите беседу, уловив все нюансы. Все.

Страшно. И думать ни о чем не хочется.

* * *

Утром явился капитан Варварин. Неделю он провел на театре действий, любовался видами незалежного города – будущего (или прошлого?) места действия группы. Пытался прочувствовать атмосферу. В гражданской одежде Варварин почему-то казался моложе. Пожал Женьке руку:

– Как оно, рядовой? Говорят, прижился? Кишка играет? Не трусь, проскочим.

Катрин позвала пить чай.

– Ну что я могу сказать? – Капитан высыпал из пакета кирпичики многослойного печенья. – Город большой, малость грязноватый. Площадь Дзержинского по старой памяти так и именуют, хотя она нынче опять же Площа Свободы. Девицы симпатичные, но в смысле моды довольно раскованные.

– Ничего не меняется, – пробурчала сержантша, разливая чай. – Понты бандеровские, девки вульгарные, а подметать опять некому.

– Ладно тебе, – капитан взял кружку, – зато у них печенье вкусное. Все, в общем, ясно. Давайте перейдем к экипировке...

* * *

Вечером Женька сидел в спортзале и смотрел, как сержантша издевается над безответным манекеном. Надо же – такие ноги изящные, а смотреть на их работу жутко.

– Слушай, Евгений, хватит на меня пялиться, – отдуваясь, сказала Катрин. – Иди, на стенку зависни и изложи свои мысли.

– Так я только оттуда слез, – жалобно напомнил Женька.

– Иди-иди, и не пререкайся. Я от тебя умных мыслей жду. У нас три дня осталось.

– Умных у меня нет, – сказал Женька, повисая на короткой «шведской» стенке. – Только лейтенант из меня на самом деле никакой.

– Ну, я бы на твоём месте прыгала от восторга – такая карьера головокружительная. Не успел прийти – уже звезда на погоне. Не трусь. Мы с тобой самые младшие лейтенанты. Уже не рядовой состав, но и до командного нам далеко. Сан Саныч прав – со званием приставать все-таки поменьше будут.

– Я попадусь, – обреченно сказал Женька. – Какой из меня агент? Ни черта я не знаю.

– На все вопросы отвечай робким овечьим взглядом и цитатами из учебника фонетики. Только на русском языке, разумеется. Ты переводчик, человек ученый и от чрезмерных знаний слегка двинувшийся «крышей». К тому же из Москвы – всем известно, что в столице народ высокомерный и с придурью. Не любят нас в мире, нужно честно признать. Что до боевого опыта, то ты первый раз на фронте, к тому же штабная крыса. Что с тебя взять кроме новых сапог?

– Они уже не очень новыми выглядят.

– Это мы, конечно, весьма предусмотрительно поступили, но в тех условиях любые прохоря без дыр – новые. Ладно, небось не разуют.

– А вас? – глупо брякнул Женька. – В смысле, с вас сапоги не снимут?

– С меня? С меня, скорее всего, что-нибудь другое постараются снять. Или хотя бы задрать, – Катрин кинула ладони в беспалых перчатках на талию, дразняще выгнулась. – Я кто? Натуральная б..., то есть ППЖ. Может быть, даже генеральская. Ну, на генерала мы вряд ли наткнемся, а остальные на всякий случай малость сторониться будут. К тому же мы под невидимой, но надежной защитой солидного ведомства. И товарищ капитан прикроет. Так, по крайней мере, рассчитано.

Рассчитано было хорошо. Когда Катрин хотела, выглядела она девицей высокого полета. Собственно, и так – в спортивных штанах и свободной футболке – очень даже. Возможно, именно благодаря футболке – она порядком промокла от пота, а на бюстгальтерах товарищ старший сержант сэкономила.

– Вы потрясающе красивая женщина, – непонятно к чему сообщил Женька.

– Да? Спасибо. Приятно услышать комплимент от неозабоченного молодого человека. Это, кстати, хорошо, что ты спокойный. С рыжей у тебя серьезно?

– Да нет, дружим просто.

– Интимная дружба – весьма ценная штука. Seriously говорю. Что ты повис тухлой сосиской? Качайся, качайся.

Женька принялся поднимать ноги, хотя пресс уже ныл невыносимо. Наставница продолжала лупить обреченную куклу. С коротко стриженного затылка летели капли пота. Сказала, не оглядываясь:

– Слушай, ты вроде электробритвой бреешься? Я тебе станок дам. Приведешь себя в порядок. В зоне бикини и под мышками.

Женька замер с поднятыми коленями:

– Товарищ старший сержант...

– Про педикулез слыхал? Собираешься насекомых в Отдел натащить?

– Так мы всего-то на пять дней идем.

– Это ты непосредственно каждой вше будешь сообщать? Качайся, шланг гофрированный, пока я сама тебя не побрила...

Шинель, шапка-ушанка, гимнастерка с новенькими погонами. Погоны только младшему лейтенанту Землякову полагались – он москвич, в ногу с нововведениями формы одежды идет. Остальные еще устаревшие петлицы таскают. Галифе, нижнее белье. Кальсоны и рубашку Женька уже двое суток обнашивал, для убедительности и натурального запаха. Ремень с кобурой, полевая сумка, документы – все уже упаковано. Пистолет, срезанные с формы пуговицы, крючки, даже скрепки с документов – все пойдет отдельно. Металл переносит Прыжок скверно, может и неприятный эффект дать – раскалиться и вещи прожечь. Потому и пистолетные обоймы пусты. Патроны брать опасно. Могут вспыхнуть или «прутхнуть», как выражается Катрин.

Утро выдалось холодным. Женька смотрел на улицу – за прутьями решетки и громоздящимися друг на друге столами (так и не хватило времени их убрать) шел снег.

В дверь кратко стукнули, заглянула Катрин.

– Мандражируешь? Естественное состояние. Ничего, сейчас отпустит.

– Да я ничего. С праздником вас, товарищ старший сержант.

– А, да я такие глупости не отмечаю. Я воинствующая мужская шовинистка. Но все равно спасибо, – Катрин усмехнулась. – Ты очки нацепи. В роль входи. В последний момент окуляры упакуем.

Женька надел очки с простыми стеклами. Окуляры круглые, прямо из кинокомедии в стиле ретро. Комендантские от смеха подохнут, углядев такой оптический прибор. Впрочем,

в столовую сегодня все равно не идти. Желудок должен быть пуст, иначе после Прыжка тошнота и прочие неприятные ощущения обеспечены.

– Ничего, – сказала Катрин, прислоняясь плечом к косяку двери. – Все будет нормально. Очки тебе, кстати, идут. Весьма романтичный юноша.

– Вы тоже ничего, – пробормотал Женька.

На наставнице была распоясанная гимнастерка и сапоги в диковинном сочетании с черными джинсами.

– Сейчас галифе натяну. Я домой бегала. У меня там одинокий кактус, полила на всякий случай, – объяснила Катрин.

Женька знал, что она снимает квартиру где-то на Якиманке. Непонятно только зачем – почти все время проводит в Отделе. Впрочем, сержантша могла себе позволить некоторую экстравагантность. Например, насчет той же формы одежды – прямым матом начальника послала, когда завели дискуссию, что должна носить хорошенькая штабная переводчица – юбку или мужиковатые галифе? Победила, понятно, мужская форма одежды. Кстати, переводчицей Мезина была неподдельной – английский знала как родной. Так, по крайней мере, обмолвился Сан Саныч. Неясно, на кой черт нужна переводчица с английского в действующей армии, но решили в случае вопросов напирать на планировавшийся приезд делегации союзников. Женька уже понял, что командный состав группы не в последнюю очередь надеется на наглость и импровизацию.

Катрин вытащила из кармана джинсов мобильник:

– Бушлат накинь да выйди на свежий воздух, позвони.

– Кому?

– Дурак, что ли? Маме позвони. Только не болтай лишнего.

– Понял.

– И отцу позвони, – уже вслед сказала наставница. – Он у тебя вроде из отставных?

Мама огорчилась, что в выходные встретиться не получится. Женька сказал, что в караул заступает, на охрану архива. Пообещал сквозняков избегать. Ирэн звонку вроде бы искренне обрадовалась, даже не обиделась, когда расспросы оборвал. Вообще, почему-то было приятно слышать девичий щебет.

Поколебавшись, Женька набрал номер отца.

– Да. Слушаю, – голос у отца не изменился, все тот же резкий, пугающий.

– Пап, это я. Вот случай выдался, «трубу» на пару минут дали.

Пауза едва уловимая, и на полтона ниже:

– Ну как ты там, Жень?

– Нормально, в курс дела вошел. Народ здесь адекватный. Работа творческая.

– Мама мне говорила. Начальник у тебя демократ. Повезло.

– Это точно. Сейчас новый этап начинаем.

Пауза.

– Командировка, что ли?

– Да тут близко, в музей. Вроде как в Кубинку.

– Удачи. Жень, ты звони по возможности.

– Конечно. Только ты сам понимаешь... армия.

– Понимаю. Не расслабляйся, служи.

Вещмешки упаковывали на столе. Женькин был самый легкий. Капитан понесет спецоборудование, Екатерина – железки и оружие. Содержимое вещмешков уже тщательно запаковано в какой-то немислимо хитрый пластик.

– Так, к аттракциону практически готовы, – отрапортовала Катрин.

– Без азарта, – хмуро попросил майор. – Давайте сюда части тела.

– С младшего лейтенанта Землякова начнем, – предложила сержантша. – А то он сейчас в обморок хлопнется.

В обморок падать Женька не собирался, но смотреть на блестящий шприц-пистолет не хотелось.

– Больно не будет, – пообещал майор как маленькому.

Пахнуло спиртом, коротко щелкнуло – левую руку охватило короткое онемение. Женька глянул на красное пятнышко у локтя, – чип-маяк уже под кожей, – теперь выдернуть военнотружашего назад смогут и в бессознательном состоянии. Хотя лучше в сознании – точность возвращения на порядок выше.

– Группа, вы готовитесь? – в комнату заглянул компьютерный старлей Шурик.

– Иди-иди, гений гигабайт, – сказал капитан. – Сейчас штаны подтянем и явимся.

– Между прочим, действительно сползают, – озабоченно заметила Катрин. – Всю торжественность момента портят.

– Может, все-таки юбку принести? – ехидно поинтересовался Варшавин. – Ведь есть в том предмете туалета свои достоинства.

– Согласна. Только тогда нам всем троим юбки несите.

Экранированные стены подвала. Площадка, выкрашенная в желтый цвет, невысокий контур ограждения. Полупустой вещмешок болтается на плече, шинель перекинута через руку. Натуральный дезертир с фальшивыми офицерскими погонами.

– Женя, ноги держи расслабленными, толчок будет...

Глава 2

8 марта 1943 года.

625-й день войны

25-я гвардейская сд при поддержке 179-й отдельной танковой бригады пятые сутки сдерживает атаки частей 48-го немецкого корпуса на рубеже Тарановка – Змиев. Западнее танковый корпус СС прорвал фронт. Дивизия «Лейбштандарт Адольф Гитлер» вошла в прорыв и стремительно движется вдоль Полтавского шоссе к Люботину.

7 часов 45 минут.

Два километра севернее села Артюховка

Громыхало. Все небо громыхало. Сотрясались низкие серые тучи, судорожно вздымала опушка соснового леса. Порой разрывы слышались особенно четко, Женька сгибался, едва не стучаясь подбородком о колени. Сидеть было сыро – сдуру первым делом нацепил шинель, теперь, скорчившись, даже затянуть брючный ремень не удавалось.

– Черт его знает, – бормотал капитан Варварин, спешно вшивая крючок в ворот гимнастерки, – лес здесь какой-то чахлый. Изменилось все.

– Да хрен с ним, – Катрин надорвала зубами драгоценную упаковку нанопленки, вытряхнула на расстеленную шинель кобуры с пистолетами, портупей и фляги. – Главное, к немцам не плюхнулись. А лес – его тут много в шестидесятые насажали, в годы мрачного москальского засилья. Ты его в «нуле» разросшимся видел, облагороженным.

– Вдоль опушки двинем, там болотце должно быть, сориентируемся. Евгений, хватит сутулиться, – сказал капитан, обрывая нитку. – Ты теперь офицер, хоть и младший. Проявляй ответственность, веди наблюдение. А то застукают нас тут в неглиже, стыда не оберешься. И спокойнее, спокойнее. Далеко снаряды ложатся, не зацепят.

– Понял, – Женька выбрался из ложбинки, замер, стоя на коленях. Что тут наблюдать? Впереди виднелся невысокий, прозрачный осинник. Налево – тропка вдоль сосняка. Островки подтаявшего тяжелого снега, разбухшая земля, на тропинке видны оплывшие отпечатки подошв. Пробежали здесь несколько человек, возможно, и сегодня это случилось. Больше никаких следов человеческого присутствия. Кроме угрожающего гула со всех сторон. Неужели все вокруг обстреливают? Может, в лесу немцы накапливаются? Прямо здесь, за спиной?

– Женька, шинель давай. Фурнитуру прилеплю.

Без шинели стало вовсе холодно. Женька сидел на корточках, ежась, смотрел на мертвый осинник. Стыли промокшие колени. За спиной шепотом материлась сержантша, орудовала иглой. Капитан уже перестал казаться островком снега – накинул поверх исподнего гимнастерку.

– Катя, в темпе, в темпе.

– Ладно, потом по-настоящему прилеплю. Наряжайся, Земляков...

Бежали вдоль островков снега. Мягкая хвоя пружинила под ногами, иногда подошвы сапог предательски скользили по размокшей земле. Капитан двигался первым, вещмешок скакал по его бурой спине. Неудобная вещь. Женька нес свой в руке – из-за легкости поклажа сваливалась с плеча. Кобура пистолета похлопывала по боку. Чувство нереальности происходящего лишь усиливалось. Группа двигалась прямо к охающим вздохам разрывов. Женька чувствовал, как внутри нарастает чувство протеста – зачем туда? Зачем вообще все это придумали? За спиной чуть слышно топали сапоги сержантши. Конвой, да? А ведь не имели вы права. Не имели...

Тропинка начала забираться вправо, капитан на миг приостановился:

– Срежем, а, Катя?

– Давай, там вроде повыше, осмотримся.

Промоина, полная серого снега, несколько деревьев. Яма, вокруг вывернутый желтоватый песок. Воронка? Щепка, скрюченная проволока, невнятное смятое железо – кое-где на нем еще заметны чешуйки защитной краски. Что-то серое, распластанное. Стертый каблук с налипшими сосновыми иглами. Женька шархнул.

– Спокойно! – Сержантская рука крепко приложила между лопаток, заставила скакнуть через обломанные ветви.

– Там мертвый! Убитый!

– Спокойно. Насмотришься еще.

Между крайних деревьев тянулись ямки – неглубокие – несколько лопат желтого мокрого песка, выброшенных поверх хвои. Впереди широкая ложбина: разбросанные воронки, россыпи песка и земли, торчали из-под снега бурые колючки репейника. Дальше по гребню виднелся покосившийся плетень, еще что-то оплывшее, разрушенное.

Капитан рассматривал безлюдный гребень. Женька прижался к стволу сосны. Легкие жгло от бега, из-под шапки тек пот, но вместе с тем и холодом пробирало. Господи, сыро-то здесь как! Наверняка прохватит. Пневмония, она ведь...

На пологом спуске неожиданно вспух черный куст взрыва. С опозданием донесся свист, глухой грохот. Женька плотнее прижался к слабо пахнущему смолой стволу. Вот теперь начало колотить по-настоящему. Даже колени дергались.

– Кать, ты где шныряешь? – не оглядываясь, спросил капитан.

– Вот, шанцевый инструмент раздобыла, – Катерина присела рядом. В ее руках была саперная лопатка с ободранным, размочаленным черенком.

– Ну и на кой черт тебе оно нужно?

– Да так, руки занять, – довольно злобно объяснила Катрин.

– Брось. Не те сейчас правила. Парня успокой, и жучим дальше. Лог неприятный, но обходить его вообще непонятно как.

Катрин подняла глаза на подопечного. Женька вгляделся в живые, чуждые серому мартовскому небу изумруды и пробормотал:

– Мне не по себе, товарищ старший сержант.

– Еще бы. Вполне тебя понимаю. Самой неудобно. Особенно без оружия, – Катрин сердито пощупала локтем кобуру с пустым пистолетом. – Херня какая-то, а не ситуация. Вроде принудительного стриптиза. Но пока альтернативы нет. Слушай, студент-переводчик, ты только не отстраняйся от происходящего. Все это всерьез. По-настоящему. Работать нужно. Так что пулям кланяйся и попу береги. Давай лопатку в порядок приведем – все-таки инструмент.

Она скребла куском железки разлохмаченную рукоять лопатки, Женька как мог помогал, отковыривал щепочки. Предавались этому творческому занятию минуты две, пока капитан не поинтересовался:

– Ну, отполировали орудие производства?

– Да, можно лапами братья, – Катрин критически осмотрела шанцевый инструмент. – Что там с обстановкой?

– Серая обстановка, без оптики не разглядишь, – буркнул Варварин. – Если вы успокоились, давайте перебираться ближе к селу. Что-то там оживление назревает.

Женька с ужасом расслышал прерывистый треск – за скатом работали пулеметы. За гулом канонады потрескивание казалось комариным, несерьезным, но ведь это же по людям палят!

– Да соберись же ты, – спокойно сказала Катрин. – Война, люди бой ведут. Ты чего-то другого ожидал? Держи вот – если по нам стучать начнут, ползи, макушку прикрывай. В тебе мозги – самое ценное.

Женька машинально сжал изуродованную рукоять лопатки.

– Вообще-то нам только до подошвы ската добраться, дальше само пойдет, – сказал капитан. – И вообще, нечего расслаживаться. Врозь идем. Если стреляют, то следуем перебежками. Уловил, Земляков?

– Так точно, – пробормотал Женька, чувствуя, как сводит промокшие ноги.

Бежали. Женька оказался справа, прыгал через репейники и заснеженные ямы, сжимал изо всей силы глупую лопатку. Полы шинели путались в ногах, мешали бежать. Склон приближался медленно, ложбина отсюда казалась чудовищно широкой. Громыкнул на склоне разрыв, Женька упал, увидел, что остальные бегут, кинулся догонять. Остаться одному было невыносимо страшно.

Теперь бежали вверх. Склон разбух от стаявшего снега, на сапоги липла грязь. Все оскальзывались, Катрин грубо и коротко выругалась.

Наверху, у плетня стукнул выстрел. Визгливо закричали:

– Стой, стрелять буду!

– Я те, б..., выстрелю! – немедленно заорал капитан. – Не видишь, что свои? Тетеря слепая, твою...

Из окопа, вырытого в пяти шагах от плетня, смотрели двое бойцов.

– Что ж вы, сучьи дети... – капитан, уперся руками в колени и принялся, отдуваясь, распекать сидящих в «секрете».

Они были грязные. Женька понимал, что иначе и быть не может, но они были очень грязные. Красноармейцы. Темные, закопченные лица, все в серых потеках грязи. Оба без касок, у одного уши ушанки завязаны на затылке, у другого лопухи торчат. Щетинистый подбородок, весь в каких-то болячках, черная тряпка на запястье.

– Товарищ капитан, может, пойдем? – Катрин, не глядя на бойцов, отряхивала полы шинели. – Сколько можно?

Женька слегка оторопел – совершенно не предполагал, что товарищ старший сержант способна таким подмурлыкивающим тоном изъясняться. Прямо дева истинная, жеманная.

– Сейчас идем, Катенька, – поспешно заверил Варварин. – Видите, как получилось: и машину потеряли, и заплутали немножко. Срезали, что называется. Одну секундочку. Боец, где штаб батальона?

Автоматчик вывел наверх, мимо развалин хаты и остатков сада, показал направление. Группа «К» зашагала вдоль разбитой гусеницами дороги. Навстречу протащилась повозка. Пожилой солдат озабоченно подгонял измученных лошадок, но на Катрин все-таки оглянулся.

– Блин, вот ненавижу я таким чудом в перьях быть, – уныло пробурчала Мезина.

– Не нуди. По графику идем, – заметил капитан, взглядываясь вперед. – Сейчас легализуемся, и дело в шляпе. Приведите себя в порядок. Лопатку идиотскую выкиньте. И вообще, Земляков, где твои окуляры? Прими интеллигентно-отстраненный вид, а то трясешься, как кролик.

Женька нацепил очки. Катрин забрала лопатку, повертела и не без сожаления метнула в сторону покосившегося сарая. Шанцевый инструмент с хрустом засел в доске перекошенной двери.

– Катерина, что за фокусы?! – злобно поинтересовался Варварин. – Не в цирке.

– Я машинально, – оправдалась наставница и подмигнула Женьке.

Мимо проползла полуторка. Кто-то из троих сидящих в кузове выдал неприличный комментарий по адресу видной девушки. Катрин не замедлила обернуться вслед:

– Кабаны неровно скопленные, вашу...!

– Екатерина Георгиевна, ты заткнешься? – процедил сквозь зубы Варварин.

– Виновата. Акклиматизируюсь.

Штаб бригады оказался на опушке леса. У большой полуразвалившейся хаты стояла единственная машина – до изумления заляпанный изнутри и снаружи «Виллис». Женьке приказали ждать рядом с сараем. Вокруг торчали остатки развороченного фруктового сада, сплошная грязь с вмятыми черепками глиняных глечиков и раздробленными досками. У перевернутой собачьей будки сиротливо валялась веревка с пустым ошейником. Народу вокруг было мало, только в погреб тянулись провода, там кто-то орал, добиваясь от «Четвертого» ответа. Торчал у хаты часовой с автоматом на шее, поглядывал на чужого очкастого лейтенантика. Изредка пробегали связные. Ближе к лесу из замаскированного срубленными сосновыми лапами окопа торчал ствол зенитного пулемета. Расчета видно не было, лишь дальше, среди деревьев, виднелось что-то бронированное, подмявшее молодые сосенки. Там кто-то возился, стучал металлом.

Женька сидел на низкой жерди, просматривал письмо на немецком, прижав листок к толстому словарю. Приказано было изображать деловой вид.

«Дорогой Пауль, вчера получила от тебя открытку. Рада, что ужасная русская зима наконец заканчивается...

...воздушные тревоги, хотела бы я знать, когда они кончатся. Наше ПВО...»

Сосредоточиться было трудно, рукописные строки сливались перед глазами. Капитан Варварин уже больше часа находился в штабе. Возможно, там что-то пошло не по плану. Катрин сказала, что «будет рядом», и исчезла.

Страх терзал фальшивого младшего лейтенанта Землякова. Придут сейчас, арестуют. И дальше по законам военного времени... Вот у той сосны. Или в СМЕРШ передадут, для допросов с пристрастием. Нет, СМЕРШа еще нет, – только через месяц приказ о его создании появится. Но все равно. Кажется, гул боя усилился – это за рекой. Но все равно рядом. Нельзя же так. Бросили, да?!

В небе загудело. Женька задрал голову. Из-за леса вынырнули черточки самолетов.

– Воздух!!!

Мгновенно все пришло в движение. Откуда-то вынырнули бойцы в телогрейках, с разбегу прыгнули в пулеметное гнездо. Метнулись прочь связисты, ошалело завизжала катушка с проводом. Из хаты выбежали несколько командиров, задрали головы...

Рассыпавшаяся группа пикировщиков целеустремленно перестраивалась, уходила на юг. Выше промелькнули маленькие истребители.

– Не к нам. От Меревы возвращаются, – отчетливо сказал стоящий на низеньком крыльце полковник.

Все занялись своими делами, только Женька продолжал неуклюже пихать словарь в полевую сумку. От хаты не торопясь подошел Варварин:

– Погружаешься в реалии, Земляков? А где наша драгоценная амазонка?

Катрин, придерживая шапку-ушанку, появилась из-за штабной хаты. В руках почему-то тарелка, шинель некрасиво перекошена.

– Ну и где гуляем? – поинтересовался Варварин.

– Тут рядом комендантский взвод окопался. Знакомилась. Вы угощайтесь...

На тарелке лежало штук шесть мятых моченых яблок.

– А не пронесет? – озабоченно спросил Варварин, но яблоко взял. – Я вообще-то принял грамм сто за знакомство. Закусить имеет смысл.

– Ну и как тут дела? Сработаемся? – Катрин вгрызлась в мягкий яблочный бок, сплюнула косточки.

– Чего нам не сработаться? Наше Управление авторитет имеет, – капитан откусил от яблока. – Важность задачи, поставленной штабом армии нашей группе, осознана. Правда, комбриг беспокоится о нашей безопасности.

– Это хорошо, – одобрила Катрин. – Люблю, когда обо мне беспокоятся. Об обстановке можно подетальнее?

– Обстановка так себе. В смысле, мы здесь на законных основаниях, это сомнению не подвергается. Мой коллега-особист погиб четвертого числа. Тут тоже расхождений нет. Следовательно, и осложнений с нами не возникнет. Все по плану. Но вот со связью у комбрига плохо. Со штабом армии радиосвязи нет, сносятся только через порученцев. Бригада истощена, ведет бои на пределе. Горючего еще хватает, но восстанавливать машины не успевают. Разбомбили мастерские, от техников рожки да ножки остались. И главное, связь. Боюсь, не успеем мы к месту действия.

– Если в «нуле» успели, почему здесь не успеем? – Катрин сунула тарелку Женьке. – Жри давай, Земляков. Здесь перебирать харчами не приходится.

Женька осторожно жевал кисло-сладкую мякоть. Руки грязные, на тарелке зола какая-то, но почему-то вкусно. Обалденно вкусно, если честно. А не ел всего-то со вчерашнего вечера.

Старшие разговаривали о ближайших планах. Женька слушал вполуха, разжевывая вкусную косточку. И так понятно – ночь здесь придется переждать. На следующий день бригада непременно получит приказ отходить к городу. Все ясно. В «кальке» чувствуешь себя чуть-чуть богом. В смысле – провидцем и оракулом. Тайным.

– ...Патроны – это хорошо, – обрадовался Варварин. – А то и вправду как голый. И в штабе просить неловко.

Катрин выгребала из кармана шинели пистолетные патроны. Принялись набивать обоймы.

– А упаковка-то наша вполне ничего, – заметил капитан. – Оправдывают себя современные технологии.

– От кобуры горелым несет, – пробурчала Катрин. – Надо бы стволы почистить.

– Вот и займитесь, – Варварин махнул рукой куда-то в направлении ближних хат. – В третьей или четвертой халупе место имеется. Вы пока устраивайтесь, обживайтесь, начштаба насчет вас приказ отдал. Через час батальон бригады к реке выдвинется, под ногами лучше не мешаться. Жень, к тебе ПНШ-2⁹ подойдет. Они вчера вечером документы взяли, посмотришь. Для разминки.

14.25. Хутор в 2 км северо-западнее дороги на Безлюдовку

На грохот Женька внимания больше не обращал. Разбирался с документами. Несколько солдатских книжек, записная книжка. В принципе, ничего сложного и интересного – оберфельдфебель из Берлина. Но ведь подлинные бумаги. С запахом. Вчера Макс Кренн был жив, сегодня... Письмо получил 5-го числа. Хорошо работает у немцев полевая почта.

«Дорогой Макс, была счастлива получить твоё письмо. Надеюсь, погода у вас скоро улучшится...»

ПНШ-2 – невысокий чернявый старлей, сначала вертелся рядом, мешал. Потом с Катрин принялся любезничать. Действительно, наставница как отвлекающий фактор выше всяких похвал. Недаром в Отделе ее так ценят. У беды глаза зеленые, не простят, не пощадят. Хм...

«...Вчера была на Потсдамер-Плац, видела Эмму. У бедняжки неприятности с мужем. Он был во Франции и...»

Громыкнуло близко, с низкого потолка посыпалась известь и глина. Женька принялся машинально выскребать из-за шивороты мусор.

– Земляков, ты бы пригнбался для порядка, что ли, – весело посоветовала Катрин.

– Угу, сейчас-сейчас, – пообещал Женька.

⁹ ПНШ-2 – помощник начальника штаба, отвечающий за разведку.

«... и этот обманщик ей прямо в глаза заявляет, что он совершенно невиновен...»

– Так вы прямо из Москвы? – восхищался старлей. – Как там?

– Столица, она и есть столица. Живет, работает. Метро, Большой театр – все на месте. Стараемся фронту помогать чем можем.

– Да, служба у вас ответственная. Вот сразу в грязь к нам, под снаряды и мины, – старший лейтенант откровенно любовался профилем столичной гостьи.

Понять танкиста было можно. Сияла младший лейтенант: в меру загоревшая, относительно чистенькая, короткие пряди прически отливают золотом, челочку заколка-невидимка по-домашнему придерживает. О глазищах можно и не упоминать. Ангел, малость с ростом промахнувшийся. Женька и сам засмотрелся.

– Земляков, ну что там в документах важного? – немедленно осведомился ангел.

– Шестая танковая дивизия. В основном из Берлина и Гамбурга... Судя по письмам, боевой дух высокий.

– Это мы и так знаем, – вздохнул старший лейтенант. – Прут, будто медом им намазано. И танков много. Ну ничего, мы тут надежно держимся. Вот в наступление перейдем, тогда посмотрим, у кого дух тверже... Неразбериха у нас, да, Катя?

– Да брось ты. Я хоть и штабная, но на фронте бываю. Изредка. И на передовой в том числе.

Старший лейтенант глянул на одинокую медаль «За боевые заслуги», виднеющуюся под растянутой шинелью гостьи.

– Понимаю, у вас задания... специфические.

– Да какие там «специфические» у переводчицы? Это так получила – по совокупности ратного труда, – с досадой пояснила Катрин. – Вот за Севастополь так мне ничем и не отметили.

– О, и там приходилось бывать?

– Можно сказать, до самого последнего дня. Жаркий полуостров Крым...

В дверь загрохотали:

– Товстарлейтенант – к комбригу!

Начальник разведки выскочил, на ходу пообещав вечером заглянуть.

Женька дочитал документы. Екатерина сидела мрачная.

– Куда бумаги девать? – поинтересовался Женька.

– Солдатские книжки оставь старлею. Письма в печку, на растопку.

Письма в щелястую дверцу Женька запихал, подтолкнул лучиной. Из прогоревшей печки почему-то пахло печеным луком.

– Кать, у меня два вопроса. Можно? – Женька поворочал лучинкой в золе.

– Валяй, только не пыли. Лучше полено подсунь, а то совсем погаснет.

– Товарищ Мезина, а нас кормить будут?

– Особо губы не раскатывай, но забыть не забудут. Мы гости из штаба армии, да и товарищ капитан напомнит. Он уже вписался. Ты, кстати, меня официально и на «вы» не величай. Здесь неестественно звучит. Что еще?

– А вы... ты чего злая? Не так что-то идет?

– Все так. Просто не люблю я взгляды... собачьи.

– Э... не понял.

– Что тут понимать?! Нормальному парню на фронте чего хочется? Женской ласки, как ты правильно догадался, чуткий товарищ Земляков. И смотрят. Еще хорошо, что сейчас бригада в деле, а то отбою от кавалеров не было бы. Да я их понимаю, осуждать и не думаю. Только утомляет, – Екатерина передернула плечами. – Я к таким вещам остро чувствительная. А тут еще эта цацка, – наставница стукнула ногтем по медали. – Знаешь, как сию регалию, сияющую на женщине, интерпретируют? Медаль «За половые потуги».

– Ну... дикость так говорить, – проямлил Женька.

Катрин фыркнула:

– А война, по-твоему, что такое? Дикость и есть. Дикость, когда в тебя стреляют и убить норвят. А чуть с этим отлегло, так еще противнее. Ненавижу я из себя лощеную б... изображать. Уж к делу бы быстрее.

За выбитым оконцем загрохотали двигатели – мимо хаты прошли «тридцатьчетверки». Совсем не такие, какие Женька в Кубинке видел. Ободранные, в неровных швах сварки, с искореженными крыльями. Земляной пол вздрагивал под ногами.

– К Соколову двинулись, – машинально пробормотала Катрин. – На слабый лед не сунутся – капитан наш наверняка намекнул, что не стоит рисковать. Ладно, ты займись словарем, а я пройдуся, насчет обеда прощупаю.

Сидел Женька со словарем, чувствовал себя дураком. Звуки боя усилились, всюду стрекотали пулеметы, глухо бухали танковые пушки – 179-я бригада пыталась поддержать отбивающуюся на южном берегу Мжи роту чехословацких стрелков. Усилил огонь гаубичный дивизион – значит, немцы уже прорвались к церкви.

Несколько ответных снарядов разорвалось на окраине хуторка. Женька, оставив стратегические размышления, свалился под стену. Слышно было, как осыпаются срубленные осколками ветви в садике.

В хату ввалились несколько человек.

– Вот, блин, и внутрь натрусило, – Катрин заглянула в котелок. – Евгений, ты горох с песком любишь?

– Катенька, вы только подождите, мы живо все организуем, – сказал, отряхиваясь, крупный импозантный капитан. – У нас полно трофейных продуктов. Даже голландский сыр имеется. Вы любите сыр, Катенька?

– Обожаю. Особенно с белым калифорнийским вином, – сдержанно пробурчала Мезина.

Звеня ложками, выковыривали из котелка гороховую гущу. Месиво было густым, тушенки в него не пожалели. В общем, есть было можно. Капитан немного поразвлекал разговорами, потом улегся на дощатый топчан рядом со своим молчаливым спутником – тот уже похрапывал, подсунув под щеку промасленный танкошлем.

Катрин вычистила котелок, плеснула немного воды:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.